

ISSN 0131-5994

РОВЕСНИК

5'91

МАЙ



В НОМЕРЕ:

4. СМОТРИТЕ
6. Ютта Фойгт. БЕРЛИНСКИЕ БУДНИ
9. Эмманюэль Феррье. ГРАНИЦЫ СМЕХА
10. Айша Бенаисса. РОЖДЕННАЯ СВОБОДНОЙ
12. Андрей Вавилов. УЧЕБА ПО-СПАРТАНСКИ
14. Сьюзен Якоби. КОГДА ВСЬ МИР ПРОТИВ...
17. РОК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РОВЕСНИКА»
19. Кинки Фридман. ТЕХАС, ТЕХАС...
22. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
24. Поль Валери. ПРИЗРАК
26. Рэй Брэдбери. НОЧНОЙ ЗВОНОК. ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ
29. П. Вагина. УЛИЧНЫЙ БОЕЦ
30. ВИДЕОКЛУБ

На первой странице обложки: весна — она и в Америке весна!

РОВЕСНИК 5'91

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Учредители:
Журналистский коллентив редакции
ЦК ВЛКСМ
ИПО «Молодая гвардия»

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ,
С. М. ГОЛЯКОВ, С. В. ЖУРАВЛЕВ, С. А. КАВТАРАД-
ЗЕ (ответственный секретарь), С. В. КОЗИЦКИЙ,
В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦ-
КАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ, И. А. ЧЕРНЫ-
ШКОВ (зам. главного редактора)

Художественный редактор Т. Н. Филипповская
Оформление художника И. М. Неждановой
Технический редактор М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмит-
ровская ул., 5а. Телефоны: 285-89-20 — для справок,
285-80-62 — отдел писем. Перепечатка материалов
разрешается только со ссылкой на ежемесячник.
Сдано в набор 06.03.91. Подписано в печ. 21.03.91.
Формат 84 x 108 1/16. Печать офсетная. Бумага
офсетная № 2. Усл. печ. л. 3,36. Усл.-нр. отт. 13,44.
Уч.-изд. л. 5,3. Тираж 2 115 000 экз. Цена 50 коп.
Зак. 2039.

Ордена Трудового Красного Знамени издатель-
ско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-
30, ГСП-4, Суцевская ул., 21.

ПРОШЛОЕ СЕГОДНЯ

По дороге от Мюнхена до Дахау всего через несколько километров вдруг возникают высокие, свежескрашенные, как будто все еще действующие, дозорные вышки. Дахау. Первый концентрационный лагерь нацистской Германии, открытый сразу после прихода Гитлера к власти в 1933 году. В апреле 1945-го, когда союзники вошли в него, там находилось 30 тысяч полуживых заключенных. Сейчас здесь музей. За бетонными стенами с колючей проволокой, на широкой площади Аппельплатц, где пересчитывали узников, строили в шеренги и заставляли наблюдать за совершением казней, теперь на месте виселиц стоит скульптура. В Дахау тихо, как после душераздирающего крика. Лагерь серый, пустой, мертвый. Но живо его прошлое. Страдание и жестокость, кажется, навсегда впитались в эти стены, даже в траву и деревья, растущие здесь. Сам воздух словно наэлектризован гулом прошлого. Прошлое кричит с фотографий музея: скучающие эсэсовцы рядом с бледными от страха детьми; любознательные лица врачей во время медицинских экспериментов, в которых в качестве подопытных кроликов использовали людей; агония умирающих на виселице... Прошлое рядом. Здесь ясно понимаешь: человек по-прежнему способен на бесчеловечное.

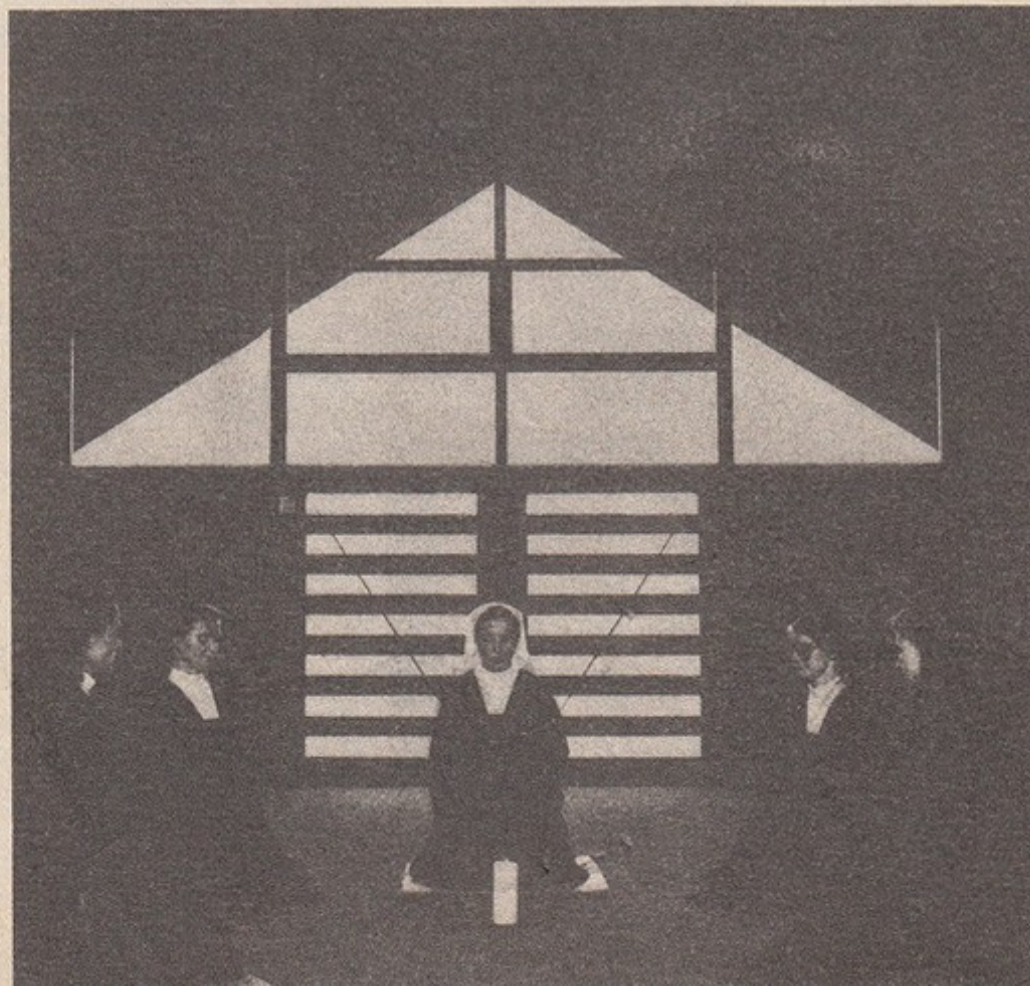
Дозорная вышка в северном конце лагеря выглядит как все остальные. Но, пройдя

через металлическую дверь, посетитель музея вдруг оказывается в совсем ином мире: ухоженная зеленая лужайка, деревья, пение птиц, пруд, низенькие домики и часовня — это женский монастырь на Святой Крови монахинь-кармелиток (на снимке слева), существующий в Дахау уже четверть века. Его основала Мать Мария Тереза, считавшая, что никакой монумент из камня не способен очистить души от ненависти. Только любовь может вытеснить ее из сердца.

В Дахау живет 18 монахинь. Хотя они и пользуются компьютером и читают газеты, но одеваются так же, как 400 лет назад, соблюдают те же обряды и запреты, что и в былые века.

Один из запретов ордена — обет молчания. Лишь в определенный час на дню им разрешается говорить. Но в Дахау этот запрет имеет свои исключения: он может нарушаться, если к монахине за утешением обращается посетитель музея.

В Дахау католики, протестанты, евреи и цыгане жили и умирали в одном аду. Являясь католичками, монахини-кармелитки все-таки выступают за примирение всех религий. Они совершают молитвы как у католических, так и у протестантских и еврейских мемориалов лагеря. Даже поют «Шалом ховерим», еврейскую песню дружбы и мира. Монахини-кармелитки верят, что вслед за Берлинской стеной должны наконец пасть и стены между религиями.





БАРАБАНЫ ТЮРЬМЫ

Барабанщики — впереди, за ними — флейтисты. Победным маршем гудят бетонные коридоры. На обнаженных по локоть руках музыкантов — накладки: осужденные на пожизненное заключение за убийства уголовники проводят музыкальный парад в самой страшной ольстерской тюрьме Мейз под Белфастом, известной в народе как Лонг-Кеш (снимок вверху). Парадные костюмы заключенные сшили сами, даже барабаны смастерили вручную (флейты, правда, фабричного изготовления), готовились четыре месяца. Выступление «Банды протестантских флейтистов» проходит в отсеке «Си», где содержатся заключенные-лоялисты, принадлежащие к различным экстремистским группировкам протестантов. В другом крыле эйч-блока № 8 политические противники лоялистов, заключенные-республиканцы, члены Ирландской республиканской армии (ИРА), с удивлением вслушиваются в праздничный трамтарарам, устроенный лоялистами в честь 300-летия одного сражения, в котором протестанты одержали победу над католиками.

Впрочем, история этой

вражды, куда более давней, насчитывающей семь веков, началась с времен завоевания Англией Ирландии и насаждения англичанами протестантизма среди ирландских католиков. Религия была орудием власти. Но и сегодня она остается страшным средством политической войны. Республиканцы требуют отделения Северной Ирландии от Великобритании и вывода английских войск. Но не начнет-

Мир Мимоходом

ся ли в этом случае гражданская война между католиками и протестантами?

Десять лет назад о Лонг-Кеш узнал весь мир: члены ИРА, содержащиеся в тюрьме, объявили голодовку, потребовав признания за ними статуса политических заключенных. Но тогдашний премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер была непреклонна: по ее убеждению, любое убийство, пусть даже по политическим мотивам, оставалось уголовным преступлением. В результате голодовки погибло 10 заключенных.

Накал страстей в Мейз с тех пор заметно убавился. Вот уже два года здесь проходит эксперимент: летом и на Рождество пожизненно заключенных, отсидевших 13 (с нынешнего года 12) лет, отпускают на несколько дней на волю домой. Они покидают тюрьму без конвоя и самостоятельно в положенный срок возвращаются назад.

Раймонда Маккартни, одного из лидеров ИРА, встречали как героя с транспарантами: «Добро пожаловать, Раймонд!» Эскорт черных гудящих такси сопровождал его до самого родительского дома, где он не был 13 лет. Казалось, он останется здесь навсегда. Но через несколько дней Маккартни вернулся в Мейз.

Есть ли опасность, что кто-то сбежит во время отпуска? Командиры ИРА и лидеры протестантских группировок, продолжающие контролировать своих боевиков даже в тюрьме,

поддерживают эксперимент и не хотят его срыва: ведь он помогает товарищам пережить тяготы заключения. «Если бы кто и решил остаться на воле, его бы все равно вернули назад... в гробу, — говорит один из заключенных. — Но никто не хочет подводить товарищей».

ТАНЦЫ ДО УПАДУ

Наиболее многочисленная из молодежных групп Италии — так называемые семидесятые (на снимке справа — один из ее представителей). Это движение возникло в 1987 году под шум дискотек. Его суть в проведении тайных танцевальных сборищ в укромных местах — заброшенных домах или пустующих ангарах. Дискотека начинается в пятницу вечером, длится до рассвета, после чего все перебираются в другой пункт, где танцы продолжают до воскресного полудня, после чего все просто валяется с ног от усталости. Они рассаживаются по своим машинам и мотоциклам и отправляются в обратный путь, доставляя немало хлопот дорожной полиции.

Организаторы таких мероприятий лишь в последний момент называют место сбора, используя при этом зашифрованные послания, передаваемые местными радиостанциями. При этом семидесятые — самая миролюбивая из всех молодежных группировок, и им приходится опасаться своих более агрессивных сверстников. Порой на их дискотеки просачиваются панки или бритоголовые и устраивают драки





Смотрите:

Югославская «перестройка» началась задолго до нашей. С введением частного предпринимательства страна за короткое время добилась самого высокого среди соцстран экономического уровня. Но за последние годы в Югославии резко выросли цены, 80 процентов заработной платы сегодня югослав тратит на еду и жилье. Экономические трудности обернулись обострением политической ситуации, образованием самых разных политических партий и движений — от экологических (снимок слева вверху) до чисто националистических. В Югославии — шесть республик, прежде они мирно жили между собой, но сегодня в экономических неурядицах этнические группы склонны обвинять друг друга (на снимке справа внизу — митинг в Косове). Пока нации выясняют между собой отношения, ухудшается экономическая ситуация, жизнь идет: спешат своими маршрутами трамваи, как всегда, на скамейках в парке целуются влюбленные.





БЕРЛИНСКИЕ БУДНИ

Ютта Фойгт,
немецкая
журналистка

Новое рождается среди тлена. Кузова легковых автомашин лежат на улицах как лошадиные туши: разобранные по частям, мятые «трабанты», «вартбурги», «Лады». Во дворах и на тротуарах разбитые телевизоры, отслужившие свой срок стиральные машины и холодильники со слипшимися остатками другой, прошлой жизни. А рядом пестрые кучи отходов уже нового времени — огромные картонные коробки из-под американских кукурузных хлопьев, упаковки от стиральных порошков, всевозможных продуктов и полуфабрикатов западногерманского производства. Мусорщики не успевают убирать все это.

У нового свой запах. Во вновь открывшихся «альтернативных» кафе и барах сладковато-влажный дурман сигарет с марихуаной. На вокзале на Александерплатц исчез запах жареной картошки, доносившийся из столовой для железнодорожников. Его заменил чудный аромат французских булочек, исходящий из крошечного павильончика на платформе «А», где на десяти квадратных метрах хозяйничают четыре женщины, умудряющиеся улыбаться и быть вежливыми даже летом на 30-градусной жаре. Как же быстро появился этот павильончик и какой он чистый! Раньше строительство такой



будочки растянулось бы на полгода, а потом описывалось бы во всех газетах «как значительное улучшение условий жизни берлинцев».

Невероятное ускорение! Год — как десять. Жизнь торопится, меняется, спотыкаясь, мчится вперед. Она словно замечтавшийся прохожий, беспечно прогуливавшийся по улице и вдруг получивший пинка: свалился, поднялся, встрепенулся и на следующий день открыл свое дело по производству ставших модными жалюзи из легкого металла. Ресторанчики, бутики, видеотеки, комиссионные магазины... Господи, прямо не узнаешь родные окрестности, они меняются день ото дня.

Дух предпринимательства растет не по дням, а по часам, в разных масштабах, разумеется. Всякий, кто в состоя-



нии купить себе уличный гриль, кладет на него сосиски и открывает торговлю. Рыночное хозяйство воспринимается пока как элементарный рынок. Что поделаешь: импровизации общественной системы. Рынки наводнены пивом в банках, видеокассетами, сшитыми из кусочков кожи куртками. И все это — беспорядочно, дико, жадно. Капитализм завоевывал городские районы по-разному: бесцеремонно и грубо — Пренцлауер Берг, незаметно и хитро — Вайсензее, хаотично и беспорядочно — район «Алекса».

От «я» к «мы», а теперь снова к «я». Возвращение чувства собственного «я». Конец обезличиванию и пугливой скромности. Начало новой личной ответственности. «Я» прощается с анонимностью и ищет возможности для самовыражения. Бывший руководящий торговый работник открывает частную овощную лавку, портниха — модный салон, официант — свою пиццерию, провизор из аптеки становится

генеральным представителем фармацевтической фирмы. «Я» уже может отвечать на вопрос — «кто?», обретая имя. «Сосисочная Мони», «Копировальный центр Франка», «Видеосалон Карла». Разговоры в пивных крутятся вокруг денег и бизнеса. Деньги вновь стали единственной привилегией, и это многое делает честным. Деньги — нечто прозрачное, и потому рождаются иллюзии, что каждый может обладать ими, если он к тому соответственно приложит усилия. Деньги — возродившийся миф, пробуждающий сладострастие.

На Ораниенбургштрассе появились «ночные бабочки». Новые девочки вышли на старую панель, пустовавшую несколько десятилетий. Раньше они кружились в ночных клубах валютных отелей и потому были недоступны для простых смертных. Их возвращение на улицы города — явный признак демократии!

Офицерское казино советского гарнизона в Карлсхорсте называется теперь «Игровой центр», а бывший зал для чтения политической литературы — «игровой зал». Перед сверкающими, мигающими огнями игральными автоматами сидят парни в мотоциклетных шлемах и советские солдаты в своих униформах. По чьему указанию были установлены здесь автоматы, неясно. Некоторые утверждают, что по приказу верховного командования в Вюнсдорфе. Что ж, деньги нужны всем.

Русские в Берлине тоже стали другими. Они передвигаются по городу не как прежде — группами по 20 человек, словно детский сад на прогулке, — эти плохо одетые, пахнущие дешевым одеколоном, устремленные к универсаму «Центрум» за покупками люди. Те-



перь они ходят по одному и похожи на персонажей из «Крокодила»: толстые мужчины в просторных брюках и женщины в дорогих платьях с милыми лицами «Дунь». Наверное, это московские кооператоры, гордо называющие себя «капиталистами», в отличие от соотечественников, презрительно зовущих их «мафиози». Они «прочесывают» обувные магазины в Восточном Берлине, скупая десятками пар мокасины и дамские туфли на высоченных золотых каблуках.

Растет, увы, и преступность. Мы держимся за сумки и карманы, вооружаемся газовыми баллончиками и пистолетами-пугачами, постоянно оглядываемся по дороге домой с наступлением темноты. В два раза чаще мы предупреждаем детей никому не открывать дверей, к которым мы между тем приладили задвижки и цепочки.

Разбойные нападения на банки и бензозаправочные станции, угрозы взрывов — все, что вчера было сенсацией, стало вдруг нашими «скучными» обычными буднями. Раньше я думала: «Ну почему со мной должно что-то случиться?» Сегодня я спрашиваю: «Ну почему это должно случиться именно со мной?» Один мой знакомый мастерской говорит: «Ну теперь начнется! Нужны деньги — станут красть сумки. Побольше бы полиции!» Соседка фрау Пауль шепчет: «По вечерам я без мужа из дому не выхожу. Это, знаете, такое дело...» Истопник нашей котельной со знанием дела замечает: «Да уж, в условиях развития рыночного хозяйства от этого никуда не денешься».

Раньше это кафе-мороженое принадлежало городской торговле. Унылая обстановка, небрежное обслуживание, жидкий кофе. Самое позднее в 7 часов вечера все закрывалось. Год назад «Вафельный стаканчик» стал частным кафе. Теперь в хорошую погоду за столиками на улице могут посидеть сто посетителей, и сидеть они могут до поздней ночи при свете красных и желтых фонариков. Хозяин зорко следит за тем, чтобы обслуживание было быстрым и аккуратным. Стаканчики украшены золотой фольгой, крепкий кофе, хорошее белое сухое вино, сосиски подаются с разнообразными салатами. Ах, «Вафельный стаканчик»! Маленькое чудо рыночной экономики!

Подчинение покупателей продавцам, унижение перед официантами, заискивание перед сапожниками, мясниками, слесарями и парикмахерами с недавнего времени ушло вместе с уходящей эпохой. Услуги больше не милостыня для клиентов и не позор для тех, кто их оказывает. Отношения встали с головы на ноги: одни оказывают услуги — другие платят. А тот, кто платит, имеет право требовать. У кого есть деньги, у того и власть, даже если денег хватит всего на сто граммов сыра.

Берлин, Александерплац... Игрок в наперстки, югослав, выкрикивает: «Вот шарик! Видишь шарик? Подойди и скажи: где шарик! Выиграешь сто марок».

Брюнетик из толпы подходит, показывает, где шарик, и выигрывает сто марок. То, что брюнетик и наперсточник из одной компании, ясно. Но, может быть, наивные туристы из Зуля или Хальберштадта не заметят этого, вступят в игру и, конечно же, проиграют? На «Алексе» свободная торговля подступает плотно и дерзко. Атмосфера черного рынка, послевоенная атмосфера, атмосфера после войны, которой не было. Последние отчаянные попытки людей из стран Восточной Европы урвать кусочек от свадебного немецкого пирога. Вьетнамцы, исправно работавшие раньше на чулочных и текстильных фабриках ГДР, предлагают купить сигареты «Мальборо» на марку дешевле, чем в магазинах. Их покупают приехавшие поляки, которым торговать запрещено. А во Вьетнаме торговцев ждут родственники с обещанными велосипедами и швейными машинками из далекой богатой Германии. На стене одного из домов на Чек-Пойнт Чарли — картина русского художника: пять старушек в платках и мужик в шапке смотрят в раздумье на город. «Немцы! Я завидую вам! Москва 1990» — написано на картине.

Метаморфозы... На реке Шпрее проводится регата, а раньше бы загрели выстрелы, если кто-нибудь вздумал покататься на лодке по реке-границе.

В бывшем институте моды разместился банк.

Объявление в газете: «Предлагаю 3-комнатную квартиру, нужна 2-комнатная». Грядет повышение квартплаты.

Или вот извещение о смерти из того, другого мира: «Всю свою жизнь он посвятил делу социализма».

В пестро разрисованных «трабантах» сидят пестрые панки.

Солдаты Национальной народной армии теперь солдаты бундесвера, на них новые униформы, как будто ничего не произошло.

Полицейские донашивают пока старую форму, но головные уборы и повадки уже другие.

Под мостом на вокзале «Фридрихштрассе» исчезла мемориальная доска в память о двух немецких солдатах, повешенных эсэсовцами в последние дни войны. Кто-то доску снял.

На табличке с указанием улицы Зигмунда Срдецкого, коммуниста, участника движения Сопротивления, фамилия перечеркнута. Что это? Вторая казнь?

Еще надпись на одном из домов: «Идеалы разрушены, спасайте руины!»

Новая жизнь... Какая она? — Ты уже сдал налоговую карточку в финансовое управление?

— А где вы застраховались?

— Вы еще не отдохали на Коста-Брава? (Курорт в Испании.— *Ред.*)

— Когда вы начинаете работать по сокращенному графику?

— Сходи-ка, пока не поздно, к зубному врачу! Скоро за это дело придется платить сумасшедшие деньги!

— Рождество в Риме! С ума сойти, какое это чудо! Конечно, если зимой у меня еще будет работа.

— Вы уже решили, в какую школу пойдет в следующем году ваш сын? Сейчас ведь столько возможностей!

— Наверное, я все-таки куплю себе «фиат-панда».

— Только не вздумай покупать что-то в кредит! Ты платишь и платишь, и никогда это не кончается...

— Вы знаете, теперь я спокойна. Моя дочь проходит курсы самообороны.

— Мы покупаем все только в «Альди» или «Пеннимаркт» (недорогие супермаркеты.— *Ред.*). Мы же не миллионеры, в конце концов!

— Вы еще получаете газеты по подписке? Я-то ото всех отказался!

— Вдвое повысить квартплату! Да что они, с ума посходили?!

— Подумать только! Мы и так много платим за телефон! Это уже обман! Здесь у многих спаренные телефоны, значит, они теперь будут сдирать вдвое больше?

— Недавно мы с мужем обедали в итальянском ресторане в Западном Берлине. Ну, разумеется, они готовят там намного лучше!

— Все это прекрасно, только раньше мы жили гораздо спокойнее!

— Вы все еще ходите к вашей косметичке? — Да нет, все теперь приходится делать самой. Да и в парикмахерскую хожу лишь раз в месяц. А раньше делала укладку раз в неделю. Вместо этого накоплю лучше на посудомоечную машину.

Школьники радуются новым упаковкам, в которых они получают теперь напитки: оранжад, шоколадный. На переменках сравнивают шоколадки. Школьные обеды они теперь получают в закрытых фольгой подносах, а не в котлах. Родителям шлют приглашения на лекции о новой системе образования и о борьбе с наркоманией.

Оказывается, нужны бюро путешествий. Их срочно оборудуют, преимущественно в боковых улочках. Помещения тесные, наскоро отремонтированные, скромная мебелировка, отопление — масляные радиаторы, на окнах легкие металлические жалюзи, на стенах — дешевые картинки с изображением Багамских островов или Эйфелевой башни в ночи. Перед входом кусочек искусственного газона. Иногда на тумбочке стоит кассетник, из которого льется подходящая музыка: гавайские гитары или Челентано. Рекламы призывают: «Нами для вас испытано и проверено — Майорка!» Или: «Окунитесь в долларовую глубину: Майами! Флорида!»

Страхование, кредитные строительные банки, выписка товаров по каталогам — все в новинку, все импровизация. Все начинается на Востоке так, как когда-то начиналось на Западе, только с ноткой миссионерства, снисходительности. Супружеская пара с Востока сидит напротив консультанта с Запада. Сидит в растерянности, с надеждой во взгляде.

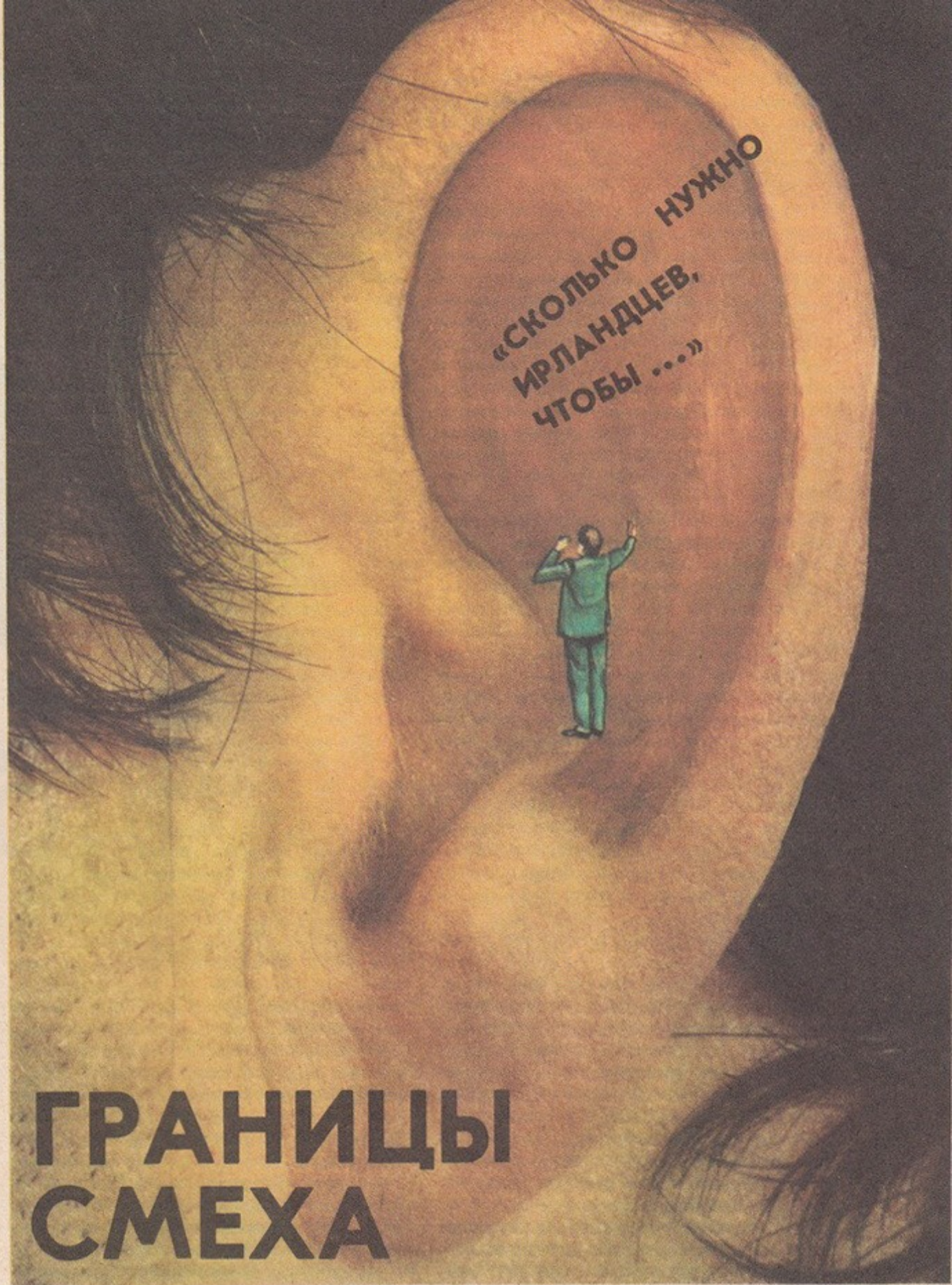
Перевела с немецкого
С. НАВТАРАДЗЕ

По мере того как Европа все решительнее заявляет о стремлении создать общее культурное пространство, между соседними странами все громче вспыхивают бои в войне анекдотов. Появилось и свежее пополнение — восточноевропейские страны. До сих пор они неплохо ладили между собой — времени подшучивать друг над другом у них не было, дай Бог успеть обсмеять великого соседа. Теперь все меняется. «Как узнать спортивную модель «трабанта»? — спрашивают западные немцы о машине их восточных собратьев. — По паре кроссовок в багажнике». Есть перемены и на западном фронте: во Франции бельгийцы и швейцарцы окончательно вытеснили марсельцев, корсиканцев и овернцев из хит-парада посмешищ. Бельгийцам теперь достается вдвойне, так как над ними смеются еще и голландцы. Англичане все громче потешаются над ирландцами, у португальцев полно свежих историй про испанцев, шведы и датчане смеются над норвежцами и финнами... Европейцы смеются друг над другом так, что это уже, похоже, серьезно.

«Анекдоты — это болезненное место национального самосознания и верное отражение коллективного подсознания; явление, которым следует всерьез заняться, — считает Дени Бертран, семиолог Международного центра педагогических исследований. — Никто даже уже не подсчитывает количество недоразумений и неприятностей, возникших от рассказанных на улице анекдотов. Иногда из их нагромождения рождаются национальные предрассудки, которые измученные «козлы отпущения» решительно квалифицируют как «расовое притеснение». Дошло до того, что крайне левый муниципалитет одного лондонского пригорода решил применять санкции к муниципальным служащим-англичанам, пойманным на шутках в адрес ирландцев.

Чтобы избежать недоразумений, скажем сразу, что бельгийцев из французских шуток можно заменить полицейскими из польских анекдотов, карабинерами из итальянских, португальцами из бразильских, норвежцами из шведских, испанцами из аргентинских или ирландцами из английских историй. (Всем им ни в коем случае нельзя звонить в тот момент, когда они гладят белье — они обязательно спутают утюг с телефонной трубкой.)

Если исключить предположение, что большинство европейских народов и в самом деле настолько глупы, то совпадение шуток доказывает, что их способность к насмешке имеет большее значение, чем соответствие карикатуре, и что, издеваясь над соседом, все страны движимы одними и теми же мотивами: укрепить согласие нации, изгнав демонов — погасить экономическое и политическое недовольство, дать выход комплексу неполноценности. По воле одних и тех же об-



ГРАНИЦЫ СМЕХА

Эмманюэль ФЕРРЬЕ,
французская журналистка

Юмор, особенно если он задевает какую-нибудь национальность, не всегда безобидная форма народного творчества. Во всяком случае, никогда не лишне, прежде чем посмеяться над кем-то, прикинуть меру допустимого — ведь подлинный юмор никогда не бывает оскорбительным.

стоятельств одни и те же шутки пересекают границы и океаны, из антинорвежских легко превращаясь, например, в антифризенские: западные немцы говорят про обитателей Фриза — области на берегу Северного моря — в точности то же самое, что датчане о других жителях Скандинавских стран: все они, отправляясь в аэропорт, берут с собой зерна для самолетов.

В анекдотах насмеваются над сопер-

ником. И в первую очередь — экономическим. Шутки, направленные против ирландцев, особенно популярны на севере Англии и в Шотландии, в портах Ливерпуля и Глазго — там, где мощные ирландские общины подогревают традиционные противоречия между рабочими протестантами и католиками, все более усиливающиеся из-за безработицы и гражданской войны на Зеленом острове. Высмеивать ирланд-

цев, изображая их тупицами и лодырями, все равно что дать заработать на хлеб английским рабочим. «Сколько нужно ирландцев, чтобы поменять лампочку? Десять. Один, чтобы ее держать, и девять, чтобы поворачивать стул».

Но дело не только в куске хлеба. Смех вооружает великого против малого, и наоборот. В отличие от португальских шуток, направленных против испанцев и играющих роль предохранительного клапана в стране, задушенной великим соседом, которая подсознательно не смирилась с тем, что она является объектом его завоеваний, анекдоты про бельгийцев и насмешки над ирландцами свидетельствуют о чувстве национального превосходства по отношению к бывшим колониям. Корни антиирландских шуток лежат в истории и политике Англии, смотревшей на ирландцев как на людей низшей расы.

Тот же исторический отзвук присутствует и в анекдотах про французов и их поведении во время второй мировой войны (тому пример напечатанный в популярной газете «Сан» анекдот с ярко выраженной антифранцузской направленностью: «Почему французы сажают вдоль дорог деревья? Чтобы немецкие солдаты могли отдохнуть в тени») и про бельгийцев. «Они, как пена, возникающая от тесного контакта между двумя народами. Мы были частью Франции. И поэтому на нас все еще смотрят как на младшего брата, выпавшего из гнезда», — считает Альфред Казн, посол Бельгии в Париже. Может быть, Франция подсознательно лелеет наполеоновскую мечту увидеть Бельгию своей провинцией?

Нужно отметить, что «жертвы» не лишают себя удовольствия послать ответный мяч своему старшему братцу-насмешнику. «Почему антиирландские шутки такие простенькие? — спрашивают рыжеволосые католики, презирающие утонченность и стремление к элитарности их соседей. — Потому что так они понятны англичанам». «Как сделать бизнес? — спрашивают бельгийцы. — Вы покупаете француза за его настоящую цену, а продаете его по такой цене, какую он сам себе назначает...»

Смех превратился в военные действия, которые наносят урон обеим сторонам, так как геополитика юмора возвращает каждую страну к ее собственным проблемам. По сути, на примере соседа каждый издевается над тем, что его самого беспокоит больше всего. «Французы представляют бельгийцев простачками, потому что их самих мучает вопрос об интеллекте», — считает профессор философии Парижского университета Юдит Стора Сандор, автор диссертации по еврейскому юмору. Юмор, основанный на поношении соседа, часто касается качеств, которые шутник сам хотел бы иметь. Если же какие-то черты недоступны, то их представляют как недостатки. Французы, которые не могут похвастаться знанием других языков кроме родного, смеются над швейцарцами за то, что те неважно знают французский, но предпочитают

не замечать, что в Швейцарии почти все говорят еще на немецком и итальянском.

Впрочем, некоторые народы выбирают мишенью для своих насмешек не чужаков, а предпочитают смеяться над собой. Так, в Бельгии живой юмор, замешанный на доведенном до абсурда самоосмеянии, — это один из способов избавиться от комплексов маленькую страну (9 миллионов жителей), которую часто завоевывали, наполовину валлонскую, наполовину фламандскую, зажатую между латинянами и англосаксами, и которая никогда не была по-настоящему единой. Предохранительным клапаном для ослабления внутреннего напряжения был и направленный внутрь юмор в странах Восточной Европы. «Почему нужно строить у нас социализм? Потому что это намного лучше, чем работать», — анекдот, под которым могло бы подписаться большинство бывших соцстран. Рассматриваемый как подрывная деятельность, этот юмор преследовался: в Румынии времен Чаушеску давали 6 лет тюрьмы тому, кто рассказывал антиправительственные анекдоты, и 3 месяца — тому, кто их слушал; безопасными считались межэтнические анекдоты, а антисемитские анекдоты воспринимались даже как признак лояльности по отношению к правительству.

И вот наступило время больших потрясений. Многие эксперты считают, что это приведет к новому взрыву смеха в Европе. «Юмор расцветает в период кризисов, так как он черпает темы в неустойчивости и малообеспеченности. 100 лет назад во Франции возник тонкий юмор, основанный на экономических затруднениях. Возможно, что теперь экономические проблемы в Восточной Европе дадут новый повод для смеха», — считает Юдит Стора Сандор.

Обобщение можно сделать только одно: анекдоты полезны, если только вы не смеетесь над соседом — выиграет-то в конечном счете как раз он, потому что становится известным. Посмеяться над собой есть один из способов заставить себя уважать. «Шутить — это значит хотеть завоевать любовь».

Вероятно, в ближайшие годы начнут обретать чувство юмора и народы, смотревшие косо даже на иронию. «Немцы начнут понимать шутку, у них теперь есть возможность объединить свои умственные усилия», — язвят французы. Но это недалеко от истины. В интервью американскому журналу «Тайм» немецкий карикатурист Хорст Хайтцингер дал этому явлению следующее объяснение: «Немцы имеют такой сокрушительный опыт нацистской пропаганды, что у них выработалась защитная реакция по отношению к инфляционистскому употреблению свободы слова».

Кто знает, может быть, Единой Европе удастся уравнивать права смеяться над другими и над собой.

Перевела с французского
Т. МЕДВЕДЕВА

Ж

а Рождество я решила провести первую половину вечера дома с родителями, потом — с Антонио и его друзьями. Все шло замечательно. Родители были очень довольны, что я провожу Рождество дома. Я все никак не могла поверить, что и они, наконец, поняли меня, поняли, что я уже взрослый человек.

В тот вечер отец сказал мне, что через несколько дней в Алжире женится мой двоюродный брат, и предложил мне слетать на свадьбу — развлечься и немного отдохнуть. Кроме того, наши родственники все время спрашивают обо мне, и ему хотелось бы, чтобы они на меня посмотрели. «На два-три дня», — сказал отец. Мне это подходило: надолго забрасывать учебу я не могла, нужно было готовиться к экзаменам. «Отлично», — сказал отец, — я знал, что ты не сможешь мне отказать, поэтому уже заказал билеты». Билеты он заказал на следующий день после Рождества.

Рождественскую ночь мы провели с Антонио и его друзьями. Я никогда не забуду, какая веселая это была ночь. Она была прекрасной, хотя Антонио, узнав о том, что я улетаю в Алжир, то и дело пытался меня отговорить от этой затеи. Наверное, он что-то предчувствовал. Я — нет.

С утра мы пошли с отцом за подарками для родственников, и вдруг он сказал, что лучше будет лететь не вечерним рейсом, а дневным, потому что нашим родственникам так будет удобнее. Мне нечего ему было возражать. Пришлось спешно собираться. Я не сумела дозвониться Антонио — что-то случилось у нас дома с телефоном, а позвонить из аэропорта потом уже не оставалось времени.

Когда отец провожал нас — меня, маму и мою младшую сестру, сам он должен был остаться из-за работы в Париже, — он плакал. Я была поражена. Я никогда не видала, чтобы он плакал. Я успокаивала его: «На три дня же всего!»

Свадьба состоялась на следующий день после нашего приезда. Грустная, без музыки. Невеста была с головы до пят закрыта белым шелком, как этого требует мусульманская традиция: мой двоюродный брат, ее жених, служит в мечети. Вечером после свадьбы, когда мы приехали в дом бабушки, позвонил отец. Он говорил с мамой. Когда она положила трубку, у нее дрожали руки. Она почти прокричала мне: «Твой отец принял решение: ты больше не вернешься во Францию». И добавила: «Он сказал мне об этом только сейчас».

Я плакала, кричала: «Он не имеет права!» Мать тоже плакала. Да, мать об этом ничего не знала, но и она предала меня, потому что и на этот раз не нашла в себе силы не согласиться с отцом.

Первые три месяца мать страдала не меньше меня — она, хоть и алжирка, родилась и выросла во Франции, и



РОЖДЕННАЯ СВОБОДНОЙ

Айша БЕНАИССА,
французская лицеистка

многое из происходящего казалось ей средневековой дикостью. Но постепенно она смирилась: послушаться мужа для нее было чуть ли не святотатством, хотя она и выросла в Европе. А вот сестра реагировала иначе. У нее перед глазами был живой пример того, как вскоре, возможно, поступят и с ней, она тем не менее сразу же стала нападать на меня — будто я порочу честь алжирской девушки — и защищать отца.

Отец поначалу звонил два-три раза в день, справлялся у матери, как там я. Когда однажды к телефону подошла я, то не выдержала, сорвалась и сделала то, чего не следовало делать здесь, в Алжире. Я наорала на отца, обозвала его предателем и поклялась, что буду ненавидеть его всю жизнь. Мать, бабушка и тетки, и вообще все, кто в этот момент были дома, набросились на меня, они были в ужасе от моих слов. Тогда я накричала и на них... Я не соображала, что творю. Бросилась в кухню, схватила там нож и хотела себя зарезать. Я кричала, что хочу жить как человек, что это зверство разлучать меня с Антонио только из-за того, что дикие обычаи запрещают девушке до замужества встречаться с парнем. Они все столпились вокруг меня и, улучив момент, вырвали у меня из рук нож. И я видела по их глазам, что боятся они не

за мою жизнь, а за себя, потому что, если что со мной случилось бы, вышел бы скандал. Хотя это я преувеличиваю, никакого громкого скандала и не было бы, соседи бы наверняка одобрили то, как со мной поступили.

Потом потянулись дни моего в буквальном смысле заточения. Меня не выпускали из дома, рядом со мной все время кто-нибудь был. Словом, сбежать было невозможно. Кроме того, по алжирским законам я, хотя и родилась во Франции, была алжиркой. Так что даже если бы я сбежала, меня бы стали искать с полицией и вернули родственникам.

Самое интересное, что бабушка совершенно не понимала, почему я так страдаю. Она предположила, что в меня вселился бес. Только так могла она объяснить, почему я не нахожу общего языка с отцом и родней, которые хотят для меня только блага. В конце концов, бабушка повезла меня к колдуну.

Мне было смешно. Мы долго ехали: колдун этот жил в пустыне, у гор. Когда мы подъехали к горам, мне показалось, что мы очутились уже на другой планете, такой фантастически безлюдный был пейзаж вокруг.

Колдун велел мне сесть напротив него, стал читать на память строки из Корана, а потом схватил мою руку и

«Андки ала драири» — эту фразу: «Осторожнее с мальчишками» — Айша Бенаисса слышала от родителей сотни, тысячи раз. Она была лейтмотивом ее детства и юности. Айша не понимала: вокруг, в парижском пригороде, где она жила, в лицее, где она училась, девушки и ребята свободно общались друг с другом, ходили в гости, влюблялись, не думая о том, что им следует чего-то опасаться. Чего? Ее же семья боялась за нее так, будто они жили не во Франции, а в какой-то дикий стране. А ведь ее родители как нельзя лучше прижились во Франции: большинство друзей у них — французы, говорят по-французски они без акцента, и с религией проблем никаких, Рамадан в их доме соблюдается скорее как дань традиции.

Айше исполнилось девятнадцать, когда она познакомилась с Антонио, симпатичным французским пареньком, ее сверстником. Девятнадцать лет — возраст, когда уже можно самому решать, как жить. Айша сказала родителям, что она и Антонио любят друг друга и что они хотят быть вместе. То, что произошло дальше и о чем бесхитростно рассказала сама Айша, в общем-то не такая уж обыкновенная история.

укусил меня. Я закричала не от боли, а от ужаса, от унижения дикостью. И он понял, что я не воспринимаю его с должным трепетом почтения, и чтобы не испытывать на прочность свой авторитет — процедуру изгнания беса он проводил в присутствии других страждущих — он отвел меня в свою хижину и там сказал: «Давай-ка рассказывай, что произошло». Я ответила, что раз он колдун, то должен знать все сам. На этом процедура закончилась. Он вывел меня на улицу — люди смотрели на меня как на неизлечимо больную и готовы были растерзать меня, если бы колдун не объявил, что он сделал все, что было нужно, и теперь меня будут охранять духи. По-моему, он меня боялся.

С каждым днем мое заключение становилось все более невыносимым. Я росла свободным человеком, я была свободным человеком, все мое существо протестовало против такого насилия. Я стала болеть. Мать тревожилась за меня, однако родственники порицали ее сочувствие, а бабушка теперь стала следить не только за мной, но и за матерью.

Я все время думала об Антонио. Он стал для меня теперь больше, чем просто любимый человек. Он был олицетворением моей потерянной свободы. Но как сообщить ему, что я осталась в

Алжире не по своей воле, что я его по-прежнему люблю. Конечно, он звонил моему отцу, но, если отец пошел на такую подлость, как оставить меня в Алжире, наплевал на то, что мне нужно было закончить лицей, то Антонио он мог наговорить что угодно.

Чтобы отправить Антонио первое письмо, мне потребовалось несколько месяцев: месяц, чтобы суметь выкрасть и спрятать у себя огрызок карандаша, еще неделя, чтобы найти листок бумаги — родственники делали все, чтобы я не смогла ничего сообщить о себе во Францию. Писала я урывками, запираясь на несколько минут в ванной комнате. Несколько раз меня обыскивали и отбирали все — и карандаш, и бумагу.

Купить конверт для меня было делом невыполнимым, поэтому я попросила об этом одного из моих двоюродных братьев. Я долго приглядывалась к нему, он был приблизительно моего возраста, сочувствовал мне, мне показалось, что я могу ему довериться. Он принес мне конверт. Я запечатала письмо — очень личное, полное отчаяния письмо к моему любимому Антонио, которого я просила выволочь меня отсюда, — и попросила опустить его в почтовый ящик. Мой двоюродный брат без колебаний согласился. А через минуту, вскрыв его, прочитав, он передал письмо моей бабушке. Я узнала об этом через несколько недель случайно. Когда я заговорила с предателем о его подлости, он дал мне пощечину. Он, мой ровесник! Даже отец не поднимал на меня руку.

После этого случая родственники стали относиться ко мне еще более враждебно. Тем более что к тому времени мать и сестра вернулись к отцу во Францию. Уезжая, мать отозвала меня в сторонку и со слезами просила, когда я останусь один на один с бабушкой, не смотреть ей в глаза, потому что бабушка — колдунья. Я рассмеялась, но когда мать и сестра уехали, и я поняла, что мне уже никто не сможет помочь, я вдруг подумала, что в этом диком мире, куда меня отправили люди, которых я когда-то любила больше всех на свете, все может быть. По крайней мере, жизнь, которой я теперь жила, нельзя было назвать иначе как сумасшествием...

Послесловие. Восемь месяцев Айша провела в заточении у родственников. В конце концов, отец не выдержал и разрешил дочери вернуться во Францию, к ее Антонио. Кажется, счастливый у этой истории конец?

Перевел с французского
И. АЛЧЕЕВ

УЧЕБА ПО-СПАРТАНСКИ

Андрей ВАВИЛОВ,
ученик московской школы № 1284

В

Вашингтонском аэропорту таможенник, просмотрев мой паспорт с пометкой «программа школьных обменов», понимающе закивал головой: «О, да-да, русских школьников сейчас у нас очень много... Желаю хорошо провести время!» А я, оглядываясь по сторонам, подумал о «великом нашествии» с Востока: кругом — школьники из Москвы, музыканты из Ленинграда, делегация из Киева. На американцев звучащий со всех сторон «великий и могучий» не производил ни малейшего впечатления. Они быстро и четко выполняли свои привычные обязанности, а мы, прибывшие, с ходу приступили к «открытию» Америки, совершенно незнакомого нам мира, со своими обычаями, традициями, образом жизни.

Вот уже три года как наша школа обменивается группами старшеклассников со средней школой Спарты, небольшого городка в штате Нью-Джерси. Месяц — советские ребята в Спарте, месяц — американские в Москве. «Спартанская» школа очень гордится правом принимать русских студентов («студенты» — именно так называют в Америке школьников).

После трехдневного пребывания в Вашингтоне мы вновь оказались в самолете — летели в Нью-Йорк, откуда надо было еще около двух часов добираться на автобусе до Спарты. Там и должно было состояться знакомство с семьями, в которых нам предстояло жить.

Честно говоря, поначалу, наблюдая за тем, как с приближением к Нью-Йорку наши волновались все больше, я особого беспокойства не испытывал. Дело в том, что год назад у меня дома жили двое американцев — Питер и Джейсон. Ребята были дружелюбные, жизнерадостные, общительные, и я с удовольствием вспоминал то время в июле, что мы провели с ними в Москве и подмосковном лагере. Одним словом, я приблизительно представлял себе, как пройдет знакомство. Но когда выяснилось, что мне «досталась» девушка, я заволновался. И зря, потому что после пятиминутного общения с Мэгги мне показалось, что мы давно знакомы. Просто давно не виделись и вот теперь встретились и болтаем о разных пустяках в ожидании моего чемодана. Познакомился я и со своими «родителями» — Карлом и Джулией. Они попросили называть их именно так.

По дороге к «нашему» дому, расположенному на берегу озера, я получил полную информацию о Спарте, о школе и прямо как в Москве возрадовался, что завтра в школу не идти — завтра уик-энд! Проводив меня в отведенную



мне комнату, Мэгги и ее родители тактично удалились, понимая, что в 12 часов ночи после долгой дороги беседовать больше не стоит. Позже я постоянно отмечал про себя, что американцы никогда не навязывают разговоров в неподходящий момент, хотя и слышат людьми свехобщительными.

Семейство Гердес отнеслось к моему появлению в доме без суеты, но стремилось при этом сделать все, чтобы я не чувствовал себя чужим. «Это твой дом», — сказал мне «папа» Карл, вручая ключи. А Джулия, как всякая заботливая мама, сразу же спросила меня про мое любимое блюдо (жареная картошка с мясом) и впоследствии часто угощала меня им. Я ни разу не почувствовал, что мое присутствие хоть в какой-то мере стесняет моих американских хозяев. Наоборот, они с удовольствием посвящали меня во все домашние дела, давая понять, что мой приезд для них не обуза, а редкая возможность пожить месяц с самым настоящим русским. Мне показалось, что это какая-то мода в Америке — принимать у себя русских, ездить в Союз, искать и находить среди своих предков выходцев из России. Наверное, я все-таки стал для Гердесов не просто «модным гостем», потому что перед отъездом они подарили мне «насовсем» ключи от их дома и пригласили погостить всю мою семью, чем разрушили в моем представлении образ «практичных американцев».



Ведь приглашают-то — за свой счет...

Уик-энд в семье Гердесов, к которым я уже успел привыкнуть, пролетел незаметно. Мы с Мэгги даже умудрились съездить в другой город к ее друзьям. «Посмотрим, что будет завтра в школе», — успел подумать я, засыпая в воскресенье.

И вот он наступил, мой первый школьный день в Америке. Рано утром я слегка затосковал по родной московской школе: здесь-то занятия в школах начинаются в 7.30! Наскоро проглотив бутерброд и выпив большую чашку (именно чашку!) кофе, американские студенты бегут к со-

ные машины (ну прямо как у нас!).

Трясаясь в автобусе по дороге в школу, мы слегка тряслись и от волнения: «Как нас встретят?» С теми-то ребятами, у которых мы жили, все ясно — «мир-дружба». А как с другими в школе? Но и с другими все было в порядке. Никто не смотрел на нас как на инопланетян, не показывал пальцем: «Смотри! Из дремучей России!» Отнеслись к нам с интересом и уважением. Многие имели друзей в Москве и переписывались с нашими ребятами из прошлогодней делегации, да и о событиях в нашей стране тоже кое-что знали. Наиболее «подкованные» задавали вопросы о членах Советского правительства, называя их по именам, а один парень подбежал ко мне и скоросворкой выпалил: «Улица Чайковского, дом 18, американское посольство!» Наверняка это был один из тех, кто уже побывал в Москве.

После недолгого общения стало ясно, что усилиями обеих сторон «образ врага» разрушен до основания. На уроках учителя как-то особенно нас не выделяли и относились к нам так же, как к обычным студентам. Для нас же все вокруг было необычно.

Государственная школа, учениками которой мы стали на целый месяц, представляла собой стоящий отдельно целый комплекс строений. Был здесь кафетерий, чистые, прекрасно оборудованные лекционные и физкультурные залы. Выбор школы в Америке — личное дело родителей и детей. В какой хочешь, в такой и учишься. Можешь жить в одном штате, а учиться ездить в другой. По твоему желанию школа может стать для тебя математической, если ты выбираешь алгебру, геометрию, физику, или гуманитарной, если увлекаешься историей и литературой. Языковых «спецшкол» нет, здесь на выбор предлагается изучение нескольких языков. Главное — принцип добровольности, а не принудилки.

Никак не была похожа на принуждение и ежедневная церемония, на которую перед занятиями выделялось 10 минут. Не было это похоже и на наш классный час. Эти 10 минут предназначались для выражения патриотических чувств к национальному флагу. Американцы искренне гордятся своей страной, звуки гимна приводят их в волнение, а звездно-полосатый флаг пользуется уважением всех граждан. В Спарте почти на каждом доме — флаг. Есть он и в каждом классе, по которым и расходятся после церемонии студенты, хотя классов этих в нашем понимании нет. Да и сама школа на школу не похожа, скорее на какую-нибудь солидную контору. В нишах коридоров — шкафчики для вещей и одежды. Каждый школьник имеет свой шкафчик и код к нему. Таким образом, кражи исключаются. В классах без дверей, с белыми стенами и потолками, — телевизоры, видео, телефоны, аппарат для просмотра слайдов. Деления на классы-группы («А», «Б», «В»)



бственным... машинам. Разумеется, те, у кого эти машины есть. В 17 лет все уже имеют права. Около школ есть даже специальные стоянки с надписью: «Только для машин учащихся». Те ребята, у которых есть права, но зато нет машин, пользуются школьными автобусами ярко-желтого цвета. Эти автобусы колятся по микрорайону в городе, подбирая в условных местах школьников, а потом со всех сторон съезжаются к школе. По утрам на улицах появляются специальные регулировщики, как правило, это улыбочивые девушки или добрые «тетеньки» — негрятки в кокетливых шляпках или фуражках и белых перчатках, которые помогают перейти улицу школьникам-малышам и регулируют продвижение школьных автобусов в лавине машин. Отношение к школьникам-пешеходам и школьным автобусам на улицах города весьма почтительное. Но сами школьники относятся к своим автобусам довольно пренебрежительно, называя их «желтой смертью», а наиболее ушлые ребята стараются дружить с теми, у кого есть собствен-



нет. 200 человек одного года обучения ходят на выбранные ими самими предметы. Но не надо думать, что в американских школах царит анархия. Записался на определенные предметы — будь добр, посещай их в течение года (поменять на другие можно только с разрешения директора). Я сам видел, как тщательно просматривают объяснительные записки (а они обязательны) у опоздавших и заносят их фамилию в журнал. В конце недели публикуется список опоздавших. Уроки тоже непохожи на наши: вместо объяснения включается видео, и ученики смотрят фильм по новому материалу. Учитель лишь обращает их внимание на какие-то важные детали. А на истории, например, аудитория делится на две группы — рабочих и менеджеров. Задача состоит в том, чтобы заключить «контракт» на взаимовыгодных условиях. «Менеджеры» могут весь урок спорить с «рабочими», но к решению так и не прийти. Учитель не вмешивается, он только наблюдает за ходом дискуссии.

Всего у американских школьников в день по 8 периодов-уроков, каждый по 45 минут. Пятиминутной перемены хватает лишь на то, чтобы перебежать из класса в класс. Зато есть ленч, для которого выделен целый урок, и проходит этот «урок» в школьной столовой, чем-то напоминающей «Макдоналдс». Стоимость ленча намного ниже, чем в американских кафе, — полтора доллара.

Управившись с ленчем, можно поиграть на футбольном поле рядом со школой, просто поболтать во дворе или пойти в библиотеку. Никогда бы не подумал, что школьная библиотека может быть такой: множество книг, ксерокс, на котором за 25 центов можно перепечатать любую нужную страницу. Наверное, поэтому книги в этой библиотеке не исписаны и не растерзаны. Тут же информационные компьютеры, видео с кассетами, на которых записаны образовательные программы. Вмещает библиотека до 200 человек...

Кроме нее, здесь есть еще компьютерный и музыкальный классы. В последний я заглядывал особенно часто, потому что окончил музыкальную школу. Синтезаторы, гитары, ударные установки, аудио- и видеосистемы для записи. Все это — собственность школы, но, как ни странно, находится в отличном состоянии. Вспомнился нам наш единственный школьный страдалец-рояль, весь изрезанный и исписанный, к которому не подпускают на пушечный выстрел. Конечно, посидел я за «Ямахой» около часа в свое удовольствие. Причем можно играть, никому не мешая (ведь кругом идут уроки) — нужно лишь надеть наушники.

После ленча еще два урока, и все разъезжаются по домам, опять же на автобусах, которые дожидаются своих пассажиров у дверей. Насколько мы заметили, внеклассных мероприятий ти-

па уборки листьев или заклейки окон школьная программа не предусматривает. Для этого есть люди, получающие за свою работу деньги, и весьма неплохие.

Много в американской школе веселого. Проводится, например, так называемая «Spirit week» — «Неделя духов». Это означает, что для каждого дня существует специальная одежда. В понедельник — спортивные костюмы, во вторник — джинсы, в среду... пижамы и халаты! Хотя взрослые и не в восторге, но проведению «мероприятий» не мешают.

Вернувшись домой, студенты не бросаются сразу к письменному столу делать уроки (привет им от московских школьников!). Да и домашняя работа очень небольшая — все можно сделать за час. Не спешат американские старшеклассники и на какие-нибудь подготовительные курсы при колледже. Из дополнительных занятий популярны только спортивные секции, но посещают их, вопреки сложившемуся у нас представлению о повальном увлечении спортом в Америке, очень немногие. Большинство предпочитают потусоваться в компании друзей у кого-нибудь дома. Как и мы, американские ребята любят «подводить» друг друга, но знают в этом меру. Если ты в плохом настроении или устал, тебя никто не заденет. На вечеринках всегда весело, и все же самое долгожданное время — это уик-энд. Его ждут болельщики и любители американского футбола (а их очень много), так как по субботам проходят матчи между командами соседних городов. Американские школьники горячо болеют за свою команду. Когда я приехал в Спарту, я сразу обратил внимание на шумные «группы поддержки». По уик-эндам проходят и танцевальные вечера, пользующиеся большой популярностью. Это не просто «танцующие», на которые можно приходиться одетым как попало. Главное условие этих вечеров — ребята должны быть в пиджаках и галстуках, девушки — в бальных платьях. Это как настоящий спектакль или маскарад, где все с удивлением разглядывают друг друга, — вот какими, оказывается, делают людей костюмы! Обычно такие вечера заканчиваются далеко за полночь, после чего все усталые, довольные, а иногда и влюбленные отправляются по домам.

К концу уик-энда веселье заметно утихает — грядет новая учебная неделя. И сколько я ни убеждал ребят в том, что их школа очень даже ничего, они недоверчиво качали головами, а некоторые в шутку крутили пальцем у виска: ты что, парень, «ботаник», что ли?

Я с нетерпением жду своих новых друзей в Москве. Пусть немножко поучатся в нашей московской «общеобразовательной школе с углубленным изучением английского языка»!

«Коллекционеры несправедливостей» — люди неутомимые. Они находятся в постоянном поиске нанесенных им оскорблений, потому что просто жаждут быть незаслуженно обиженными, — пишет психиатр Виллард Гейлин. — Они напоминают пляжных побирušек, промышляющих тем, что находят на пустом берегу. Только они подбираются несчастьями, и каждая новая обида — ценное сокровище в их коллекции».

Такой «коллекционер» лелеет детскую, несбыточную мечту о «справедливости». Обратите внимание: едва ли не первая фраза, которую произносит ребенок, — «Это нечестно!» Помните, как часто дети обижаются на мнимые или реальные несправедливости: как же, сегодня он должен мыть посуду, хотя вчера ему дали меньший кусок пирога! Со временем нормальные люди обретают реальное представление о том, что «честно», а что — «нечестно», но только не «коллекционер несправедливостей»! Он всегда уверен, что его кусок пирога черствее.

И дело не только во взаимоотношениях между людьми — такой человек с извращенным удовольствием копит обиды, нанесенные ему всем человечеством в целом. «Вот если бы я тоже мог получить образование...» — например, жалуется он. А кто мешал? Он забывает о том, что его друг работал и учился и считал каждый цент, чтобы заплатить за колледж, а наш герой в это время наслаждался вечеринками. Зато теперь он подсчитывает каждый цент, полученный более образованным другом.

Конечно, общество наше, как и любое общество, полно настоящего, а не мнимого неравенства и настоящей несправедливости. Но как часто мы склонны сваливать на общество вину за наши собственные неудачи, за лень, за неумение справиться с делом, найти выход из трудного положения, в которое — так или иначе — попадают абсолютно все!

Основная черта обидчивого человека — его завистливый, ревнивый взгляд на жизнь, из-за которого любая чужая удача оборачивается для него бедой. «Такие люди, — пишет доктор Гейлин, — уверены, что в жизни «просто так» ничего хорошего произойти не может. Поэтому если в чьей-то жизни случается что-нибудь хорошее, для «коллекционера обид» это личное оскорбление. Следовательно, запас обид и поводов для недовольства становится абсолютно неисчерпаемым».

Большинство таких людей не в состоянии совладать со своей завистью, и им очень трудно поддерживать дружеские отношения. Джон и Чарльз, ровесники, получившие одинаковое образование, занимали равноценное служебное положение в двух редакциях теленовостей. В прошлом году их дружба дала трещину: начальник

Необязательные Советы

зинам, она до сих пор простить не может своей подруге этого греха.

Большинство «коллекционеров несправедливостей» испытывают потребность возложить вину за что-то на человека, ни сном ни духом ни в чем не повинного: «Коллекционирование обид — своеобразная форма власти над человеком, на которого обижаются, а прощение означает отказ от этой власти», — пишет доктор Гейлин. Но если тебя действительно обидели? И тогда надо учиться прощать. Неумение прощать — нескончаемый источник саморазрушения, тем более что обида может быть и ненамеренной. Однако настоящее прощение — это нечто такое, чего «коллекционер несправедливостей» просто не может себе позволить.

Излишняя обидчивость — черта характера, которая формируется под влиянием стереотипа поведения родителей. В основном обидчивыми принято изображать женщин, однако и мужчины находят в обидах такое же удовольствие. Только одни жалуются всем и каждому, а другие молча копят свои истинные и мнимые страдания.

Моя подруга Джейн недавно разошлась с мужем, которого еще год назад заподозрила в неверности. Она молчала о своих подозрениях, более того, она до самого последнего момента и словом не обмолвилась о причине их разрыва. Она осознает, что это ее молчание очень напоминает поведение ее отца: он был внешне сдержан и не давал себе воли, когда дети выводили его из себя, но мог месяцами, а к старости и годами вынашивать недовольство их поступками.

Джейн и самой не нравится, что она повторяет модель поведения отца: «Я завидую тем, кто вопит, когда разозлится, и потом у них все проходит. Мой бывший муж сказал, что я собирала на него досье вместо того, чтобы попытаться поговорить и устранить причину моих страданий. И он прав!»

Чрезмерная обидчивость, неумение прощать усложняет жизнь тех, кто находится рядом с таким человеком — очень трудно поддерживать тесные, доверительные отношения с тем, кто всегда готов неправильно истолковать твои слова и поступки. Доктор Гейлин считает, что любить обидчивых людей очень тяжело — их друзья, жены, мужья всегда рискуют, ибо к ним предъявляются непомерные требования. Обидчивые люди не в состоянии принимать разочарования как естественную часть человеческого существования. Однако обидчивые люди обречены на разочарования: постоянно ожидая худшего, они сами создают необходимые для этого условия.

Таким образом «коллекционеры несправедливостей» ограждают себя от разочарований: даже если все склады-

вается хорошо, они постоянно ждут, что вот-вот и сбудутся их наихудшие предположения. Тем самым они лишают себя возможности радоваться жизни. «Коллекционеры» избегают подлинной любви, привязанности, доброты. Этот метод приспособления защищает их от тяжелых переживаний, но какой ценой! Да их, может быть, никто никогда не обидит, не использует в своих целях, не унижит, но по жизни они пройдут, отгородившись от любви и нежности.

Иные из собирателей обид демонстрируют забавную изобретательность, лишь бы убедиться, что их мрачные ожидания оправдались. Эллисон, чей любимый вариант злодея — человек, не отдающий долги, охотно дает займы. Если кто-то из сослуживцев просит у нее денег на сэндвич, она вместо пяти долларов дает двадцать. Однажды она пожаловалась, что у нее не хватает на пару колготок, потому что трое приятелей задолжали ей в общей сложности семьдесят пять долларов. «А ты не давай никому займы», — предложила я. Но Эллисон не может отказать: для нее-то все удовольствие заключается в том, чтобы пожаловаться на тех, кто ее обманул.

И совсем уж ничего нет забавного в том, насколько далеко заходят такие люди в своих стремлениях к разочарованию. Прекрасный образчик: женщины, жалующиеся, что в природе не существует мужчин, отвечающих их требованиям. Но сами они с завидным постоянством выбирают один и тот же «неподходящий» тип мужчины.

Существуют люди, приравнивающие любовь к обману. Любовь для них — потенциальный источник страданий. И даже когда все прекрасно, такой человек сразу же делает вывод, что все слишком замечательно, чтобы быть правдой, и начинает страдать уже из-за этого. Такие люди не верят ни в удовольствия, ни в успех. Но подобное поведение «коллекционера обид» может спровоцировать даже самого преданного друга: кому охота видеть вечно надутые губы и разуверять в несуществующих бедах? Вот друг или любимый и срывается, тем самым действительно оправдывая худшие ожидания.

Психологи считают, что «коллекционеры несправедливости» редко ломают привычную модель поведения. Во всяком случае, не делают этого до тех пор, пока вплотную не столкнутся с тем, что их собственное поведение и привело к разрыву дорогих для них отношений. «Такой человек часто и не предполагает, что мог бы прожить свою жизнь иным образом. Стереотип его поведения был привычным для его семьи и сложился под ее влиянием», — считает психотерапевт Линда

на стр 21»

КОГДА ВЕСЬ МИР ПРОТИВ

Сьюзен Яноби,
американская журналистка

Джона скоропостижно скончался, и Джона назначили на его место. Чарльз так прямо и говорил, что со смертью босса Джону «повезло», а к нему, Чарльзу, жизнь несправедлива!

Друзья обидчивых людей начинают со временем тщательно фильтровать информацию о своей собственной жизни и своих успехах, лишь бы избежать нытья и жалоб. Причем для истинного «коллекционера несправедливостей» нет слишком мелких обид. Конни носит исключительно джинсы и свитеры. Но вот уже пять лет помнит, что лучшая подруга не сообщила ей о распродаже дорогих платьев: «Себе-то она взяла костюм от «Валентино», он стоит девятьсот, а она схватила за двести!» И хотя Конни признает, что мало интересуется «тряпками» и почти никогда не ходит по мага-

WHITNEY HOUSTON



М

MANILOW, BARRY. Барри Мэнилоу. Родился 17 июня 1946 г. в США. Вокалист, пианист, композитор.

Начинал Б. М. с аккордеона — в 7 лет он победил на конкурсе юных дарований Бруклина и без экзаменов поступил в лучшую музыкальную школу Нью-Йорка, Академию Джуллиарда. Там он переквалифицировался в пианиста и после окончания продолжил учебу в музыкальном колледже Нью-Йорка. Параллельно будущая звезда подрабатывала на студии CBS сортировкой корреспонденции. В 1964 г. один из руководителей фирмы предложил Б. М. заняться аранжировками — его обработка муз. тем и бродвейскому мюзиклу «Drunkard» убедила руководство CBS в перспективности молодого человека, и в 1967 г. Б. М. стал музыкальным директором телесериала CBS «Callback» («Обратная связь»). В то же время он делал муз. сценарии для шоу Эда Салливана.

В 1972 г. Б. М. начал выступать в кабаре — тогда же он познакомился с Бетт Мидлер и стал продюсером ее альб., муз. директором, аранжировщиком и пианистом. Во время ее амер. турне 1973 г. Б. М. выступал как «подогреватель» в первом отделении концертов и в 1974 г. подписал контракт с фирмой «Arista».

Сингл «Mandy» в январе 1975 г. возглавил хит-парад США (в Англии песня заняла 11-е место) — это было началом головокружительной карьеры. Начиная со второго альб., все диски Б. М. становятся «платиновыми», умелое балансирование исполнителя на грани романтической попсы, «мягкого» рока и традиционной амер. эстрады а-ля Фрэнк Синатра принесли Б. М. мировую славу. В активе певца несколько рекордов, не побитых и по сей день: 25 синглов подряд входили в Топ 40 США; в 1978 г. пять его альб. одновременно находились в хит-параде — подобное достижение только на счету Синатры и Джони Матиса; в Великобритании 3 диска Б. М. стали «платиновыми» в течение года — подобного успеха не знали даже «Битлз»; Б. М. обладатель всех самых престижных премий, присуждаемых в поп-музыке, — «Эмми», «Тони» и «Грэмми».

Особым успехом пользовался альб. 1984 г. «Кафе «Пэрэдайз», 2 часа ночи» — здесь Б. М. неожиданно для поклонников «ушел» в джаз, но при этом сумел сохранить присущую ему манеру исполнения.

Помимо пл., Б. М. много работает для телевидения и радио, пишет «коммершлэ» — муз. темы, используемые в рекламе. В частности, он автор гимна фирмы «Макдоналдз» «You Deserve A Break Today».

Пл.: Barry Manilow, 1973; Barry Manilow II; Mandy, 1975; Tryin' To Get The Feeling, 1975; This One's For You, 1976 (сборник); Manilow Magic — The Best Of Barry Manilow, 1977 (2 LP — сборник); Barry Manilow Live, 1977 (2LP — Live); Even Now, 1978; Barry Manilow's Greatest Hits, 1979 (сборник); One Voice, 1979; All The Best — Barry, 1980 (сборник); If I Should Love Again, 1981; Here Comes The Night, 1981; Barry Live In Britain, 1982 (Live LP); Oh, Julie!, 1982; I Wanna Do It With You, 1982; 2.00 AM Paradise Cafe, 1984; Manilow, 1985; Sweet Life: Adventure On The Way To Paradise, 1987; Swing Street, 1988; Live On Broadway, 1990 (Live LP); Because It's Christmas, 1991.

MANN, MANFRED. Манфред Мэнн (настоящее имя Михаэль Любовитц). Родился 21 октября 1940 г. в Йоханнесбурге, ЮАР. Пианист, композитор.

Переехав с семьей в Великобританию, М. М. окончил Лондонскую консерваторию и в 1962 г. вместе с Майком Хаггом (также выходцем из ЮАР) организовал блюзовую группу «Mann-Hugg Blues Brothers». В 1963 г. этот квартет сократился до пяти участников, сменил название на «Manfred Mann» (сценический псевдоним лидера группы), подписал контракт с фирмой HMV и выпустил первые два сингла «Why Should We Not» и «Cock-A-Hoop» (в состав «М. М.» тогда входили: М. М., клав.; Майк Хагг, уд.; Пол Джонс, вок.; Майкл Винерс, гит.; Дейв Ричмонд, бас).

Третий сингл «М. М.» «5-4-3-2-1» (1964) занял в Великобритании 5-е место — начиная с этого момента, группа уходит от блюза и делает ставку на поп-ориентированный рок-н-ролл (муз. тема этой композиции стала заставкой и английской телевизионной передаче о поп- и рок-музыке «Ready Steady Go!»). В тот период «М. М.» по стилистике очень напоминали «Битлз» (как, впрочем, и большинство англ. групп того времени), и почти все их хитовые композиции представляли собой «кальку» с вещей «ливерпульской четверки».

В 1966 г. в составе «М. М.» недолго работал Джен Брюс, которого заменил Клаус Вурмен, автор рисунков на альбоме «Битлз» «Revolver». Несмотря на то, что к концу 60-х гг. в активе «М. М.» уже было 18 хитов, регулярные смены состава и жесткие рамки найденной муз. формулы отрицательно сказыва-

лись на творчестве группы — М. М. распустил музыкантов и, вновь с Хаггом, собрал новый коллектив «Manfred Mann Chapter Three». После записи двух альб. эта группа также распалась, М. М. разорвал отношения с Хаггом и в 1971 г. организовал «Manfred Mann's Earth Band», куда вошли: М. М., клав.; Колин Паттенден, бас; Мин Роджерс, гит.; Крис Слейд, уд.

Подбор музыкантов предполагал, что группа будет исполнять высокотехнический рок, и «М. М. э. б.» оправдали прогнозы критиков: группа с самого начала избрала хард-рок на основе джазовой школы импровизации, с элементами арт-рока. «М. М. э. б.» сразу же начали интенсивно гастролировать и очень быстро превратились в культовую группу не только Европы, но и США. В 1973 г. они покорили англ. публику своей версией «Планет» Густава Хольста (композиция «Joybringer», 9-е место в Англии), а в 1976 г. их обработка песни Б. Спрингстина «Blinded By The Light» стала в Америке первой.

В середине и второй половине 70-х «М. М. э. б.» незаметно отошли от хард-рока (самый сильный альб., записанный в этом стиле, вне всякого сомнения, «Solar Fire», 1973) и переориентировались на арт-рок модели «Genesis» и «Yes» того же периода (хотя такое сравнение весьма условное). Наибольший успех в новом качестве выпал двум альб. — «Nightingales And Bombers», 1975, и «The Roaring Silence», 1976. Однако влияние диско и «новой волны», наложившее свой отпечаток и на музыку «М. М. э. б.», слушатели не восприняли, и хотя муз. обозреватели положительно оценили альб. «Angel Station», 1979, и «Chance», 1980, звезда группы начала закатываться.

Последующие работы «М. М. э. б.» несут на себе печать творческого поиска, но чувствуется, что лидер группы и его музыканты все еще не могут освободиться от стереотипов прошлого и пытаются искусственно совместить его с новыми веяниями рока.

Пл. (как «Manfred Mann»): The Manfred Mann Album, 1964; Groovin' With, 1964 (EP); The Five Faces Of Manfred Mann, 1964; Manfred Mann, 1964 (EP); Mann Made, 1964; My Little Red Book Of Winners, 1965; Mann Made Hits, 1965 (сборник); Pretty Flamingo, 1966; As Is, 1966; Greatest Hits, 1966 (сборник); Instrumental Asylum, 1966 (EP); Soul Of Mann, 1967 (сборник); Instrumental Assassination, 1967 (EP); Up The Junction, 1968; Mighty Garvey, 1968 (сборник); One Way, 1968 (EP); What A Man, 1968 (сборник); The Mighty Quinn, 1968; This Is Manfred Mann, 1971 (сборник); The Best Of Manfred Mann, 1974 (сборник).

РРР вне очереди

«Черные вороны» из Атланты — новая сенсация тяжелого рока. Дебютный альбом группы «Тряхни воротилу», выпущенный в прошлом году, до сих пор фигурирует в самых солидных хит-парадах США и Англии, и значит, есть повод рассказать о новых кумирах «металлистов».

Детство, отрочество и кусочек юности, проведенные в музыке «Роллинг стоунз», Лауэлла Джорджа, Джона Ли Хунера и «Оллмен бразерз бэнд» (странный вкус для людей, которые были подростками пять лет назад, снажут наши «металлюги»), оказались той питательной средой, в которой братья Крис и Ричард Робинсон «вырастили» свою группу «Black Crowes». Крис стал пробовать голос, Ричард взялся за гитару — грохот и визг, доносившиеся из гаража Робинсонов, как магнитом притянули соло-гитариста Джеффа Сиза, барабанщика Стива Гоурмена и бас-гитариста Джонни Колта.

Успех дебютного альбома, прекрасные рецензии на концерты, несколько хитовых синглов — все это не в счет, говорят «Черные вороны», главное — их поклонниками стали Стив Тайлер и Джо Перри, метры хард-рока из «Aerosmith».

BLACK CROWES

Рок-Энциклопедия Ровесника

Изменения состава: 1964 — Ричмонд, + Том Магиннесс, бас; 1965 — Вилерс, + Джек Брюс, бас (Магиннесс переключился на гитару); 1966 — Брюс, — Джонс, + Клаус Вурмен, бас, + Майк Эбо, вок., гит., флейта.

(как «Manfred Mann Chapter Three»): Chapter Three, 1969; Chapter Three, Volume 2, 1970.

(как «Manfred Mann's Earth Band»): Manfred Mann's Earth Band, 1972; Glorified, Magnified, 1972; Messin', 1973 (в США часть тиража вышла под названием Get Your Rocks Off); Solar Fire, 1973; The Good Earth, 1974; Nightingales And Bombers, 1975; The Roaring Silence, 1976; Watch, 1978; Angel Station, 1979; Semi-Detached Suburban, 1979 (сборник); Chance, 1980; The Rhythm And Blues Years, 1982 (сборник); Somewhere In Afrika, 1983; Budapest Live, 1984 (2LP — Live); Criminal Tango, 1986.

Изменения состава: 1975 — Роджерс, + Крис Хемлет Томпсон, вок., гит., + Дэйв Флетт, соло-гит.; 1978 — Слейд, — Паттенден, — Флетт, + Джефф Бриттон, уд., + Пэт Кинг, бас, + Стив Уэллер, гит., вок.; 1979 — Бриттон, + Джон Лингвуд, уд., + Роджерс, + Барбара Томпсон, сакс.; 1982 — Кинг, — Роджерс, — Б.Томпсон, + Мэтт Ирвинг, бас.

«MANOWAR» («Мэноуор»), группа «Воин» образовалась в 1980 г. в США.

Исходный состав: Росс «Босс», гит.; Джо ДеМайо, бас; Эрин Адамс, вок.; Карл Кеннеди, уд.

Этот нью-йоркский квартет сформировал гитарист австралийского происхождения Р. «Босс», работавший до того в таких группах, как «Dictators» и «Shakin' Street». К нему присоединились Дж. ДеМайо, в то время роуди «Black Sabbath» на амер. гастролях группы, и очень сильный вокалист Э. Адамс. Сразу же после записи первой демо-тейп место барабанщика занял американец польского происхождения Донни Хамзин.

С самого начала «М.» исповедовали динамичный хард-рок с ярко выраженной мелодикой, избрав в качестве модели творчества стилистику таких известных групп 70-х гг., как «Black Sabbath» и «Mountain». Клубные выступления «М.» не остались незамеченными, и группа получила контракт с фирмой Aucoin, из которой они вскоре ушли под крыло более крупной Liberty. В 1982 г. вышел дебютный альб. под названием «Боевые гимны» — это была добротная, весьма профессионально сделанная пл., подчеркивавшая высокое индивидуальное мастерство музыкантов, но в первую очередь выделялся вокал Адамса, которого муз. обозреватели сразу же поставили в один ряд с самыми титулованными вокалистами тяжелого рока.

В том же 1982 г. «М.» влились в обойму новой фирмы грамзапи-



си Megaforce, и в мае 1983 г. выпустили альб. «Into Glory Ride» (с новым барабанщиком), получивший высокие оценки критики, особенно в Англии. Несмотря на явные заимствования у «Black Sabbath», музыканты смогли оторваться от стилистики прототипа, и в целом это монументальное произведение можно охарактеризовать как органичную смесь классического хард-рока, музыки Вагнера и мелодических ходов староанглийских и скандинавских хоралов (в основе большинства текстов песен «М.» также лежат сказания викингов).

Ориентация группы на европ. и, прежде всего, англ. аудиторию выразилась в композиции «Виват, Англия!» с одноименного альб. 1984 г., который представляет собой вольное переложение легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого стола — похоже, эти персонажи будут вечно вдохновлять рок-музыкантов. Диск пользовался в Англии фантастическим успехом, чему в немалой степени способствовало британское турне «М.» 1984 г., в котором их сопровождали «Mercyful Fate» и «Tobruk».

Все концерты «М.» неизменно проходили под девизом «Смерть фальшивому металлу!» — этот лозунг стал ответом «М.» на огромное число групп, именующих себя «металлическими», однако не двинувшихся дальше ставшего уже классическим «воинственного» имиджа. В какой-то момент под знаменами «М.» собралась армия поклонников, не уступавшая по численности знаменитой «Армии «Кисс»».

Осенью 1984 г. группа выпустила четвертый альб., который также стал явлением в тяжелом роке, а композиция «All Men Play On Ten» побывала во всех хит-парадах.

После продолжительного перерыва в 1987 г. появился диск «В битве со всем миром», выразивший философскую концепцию «М.» и укрепивший международную репутацию музыкантов как одних из самых сильных в «металле». Несмотря на успех последней работы «М.», именно этот диск считается своего рода программным.

Последний альб. «М.» вышел в 1988 г. — некоторые специалисты считают эту пл. шагом к «фальшивому металлу», с которым группа воюет и сегодня. В записи альб. принимал участие новый гитарист, сменивший «Босса», который по выходе из «М.» организовал группу «The Pack», ориентирующуюся на тяжелый блюз.

Пл.: Battle Hymns, 1982; Into Glory Ride, 1983; Hail To England, 1984 (min LP); Sign Of The Hammer, 1984; Fighting The World, 1987; Kings Of Metal, 1988.

Изменения состава: 1980 — Кеннеди, + Донни Хамзин, уд.; 1982 — Хамзин, + Скотт Коламбус, уд.; 1988 — «Босс», + Дэйв Шенкл, гит.

«MANTRONIX». Группа «Мэнтроник» образовалась в 1985 г. в США.

Исходный состав: Кертис Мэнтроник (настоящее имя Кертис Калил), клав., электронные инструменты, компьютер; Эм Си Ти, вок.

Нью-йоркский дуэт под управлением бывшего диск-жокея и программиста-любителя Кертиса Мэнтроника начал с музыки, которую определили как «электронный хаус-фьюжн» — это смесь фанка, ритм-энд-блюза, техно-попа, наложенная на современную танцевальную фантуру, короче — рэповый вариант «Kraftwerk».

Дебютный альб. «М.» имел успех и во многом предвосхитил манчестерский «элентро-техно» бум, разразившийся летом 1989 г. Две следующие пл. (особенно «Музыкальное безумие»), несмотря на отсутствие шумного коммерческого успеха, закрепили за Кертисом прочную репутацию новатора танцевальной сцены, экспериментирующего в областях, казалось бы, блокированных стереотипами.

Переломным стал 1989 г. — Эм Си Ти покинул «М.» и поступил на службу в морской флот. Его место у микрофона занял виртуоз рэпа Брайс Лавр, вместе с ним пришли два других музыканта.

Пятый альб. «Мы заставим вас шевелиться» получил международное признание, большой успех сопутствовал и синглу «Got To Have Your Love», записанному с певицей Уондресс. Сегодня «М.» возглавляет так называемый данс-крейз — танцевальный стиль, где видеоряд играет не меньшую роль, чем собственно музыка.

В минувшем году Кертис выпустил сольный альбом (также с Уондресс) и расширил свою коллекцию «перепевков» чужих вещей, среди которых можно выделить песни Жана Поля Голье, «Duran Duran», «Just Ice» и некоторые другие.

Пл.: Mantronix, 1986; The Album, 1986 (mini LP); Music Madness, 1986; In Full Effect, 1988; We Shall Move Ya, 1990; The Best Of Mantronix (1986 — 1988), 1990 (сборник); The Incredible Sound Machine, 1991.

Изменения состава: 1989 — Эм Си Ти, + Брайс Лавр, вок., + Ди Джей Дрю, микс-оператор, компьютеры, Ди Джей Ди, данс-постановка, электронные эффекты; 1991+ДжейдТрини, вок.

ТЕХАС, ТЕХАС...

С этого номера мы начинаем публикацию серии статей, посвященных истории рока. В том, что у рок-музыки уже есть своя история, — сомневаться не приходится, и начало каждого десятилетия — а их миновало почти четыре — позволяет в новом свете увидеть предыдущие. К тому же в этом знакомстве с историей есть и некий «воспитательный» умысел: если судить по читательским письмам, то в среде поклонников современной музыки уже наметился «конфликт поколений». Папы — поклонники Элвиса Пресли и «Битлз» — не принимают музыки детей («Мегадет» и «Слэйер», к примеру), сыновья величают Фэтса Домино и Литтл Ричарда «старьем», и сей «конфликт» кажется неразрешимым и, откровенно говоря, немного комичным.

Но начнем по порядку — с помощью наших друзей, корреспондентов американского журнала «Роллинг стоун», посвятившего истории рока серию материалов. Об авторе публикуемой в этом номере статьи «Техас, Техас...» Кинки Фридмане стоит сказать особо. Он получил некоторую известность как автор и исполнитель кантри-музыки, но в конце семидесятых «переключился» на литературу и начал писать очень остроумные и изящные детективные романы, героем которых стал... он сам, не очень удачливый музыкант, волею судеб превратившийся в частного сыщика. А в предлагаемой вниманию читателя статье он предстает в новом качестве — автора ностальгических воспоминаний. Воспоминания Кинки Фридмана — о временах «невинности» рок-н-ролла, о мальчиках из америнанской глубинки, для которых вместе с этой новой музыкой началась совершенно новая жизнь.

Но насколько нова была эта появившаяся в середине пятидесятых музыка? Вопрос, которым и по сей день задаются музыковеды, и сами же отвечают: ничего такого нового в ней не было. Даже очаровательный толстяк Фэтс Домино, звезда первого рок-поколения, заявлял: «Рок-н-ролл — не что иное, как ритм-энд-блюз. И его уже много лет играли в Новом Орлеане». И все же музыку, которую исполняли некоторые из наиболее ярких рок-музыкантов 50-х, только лишь продолжением традиций ритм-энд-блюза не назовешь. В ней столь же естественно присутствует музыка кантри, в ней обнаруживается смесь традиционного блюза и музыки довоенных биг-бэндов, свинга и госпелз — не стоит здесь так уж долго говорить об этом «вареве», ибо о нем довольно подробно рассказывает Кинки Фридман.

Однако вот о чем сказать следует, ссылаясь при том на признанный авторитет Сэма Филлипса, главы студии грамзаписи «Сан рекордз» — это он первым записал Элвиса Пресли и Джерри Ли Льюиса, Карла Перкинса и Джонни Кэша. Так вот, Сэм Филлипс считает, что своим расцветом рок-н-ролл обязан не только музыке — это было явление экономического и социального характера.

О социальном и политическом значении рок-н-ролла тоже много писали: он оказался тем самым средством, которое объединило черных и белых подростков, одним мощным залпом смело расовые и социальные предрассудки. Два чернокожих идола молодежи пятидесятых — Литтл Ричард и Чак Берри — каждым сценическим жестом, каждым звуком своих песен выражали отказ повиноваться традиционно расистскому: «Поди-на сюда, бой!» Этот отказ безусловно принимали слушавшие их белые мальчики — они уже были подготовлены к такой музыке, они уже впитывали в себя черный ритм-энд-блюз, который «крутили» на местных радиостанциях. Эта музыка была их общей тайной, их заговором против родителей, не признававших «цветных».

И здесь мы переходим к экономическому значению рок-н-ролла, на которое особенно любопытно взглянуть в контексте наших сегодняшних размышлений о сути рыночных отношений. Рок-н-ролл оказался первой музыкальной формой, предложенной подростку и специально по нему «скроенной»: до этого были взрослые пластинки, детские пластинки, но не было ничего, что выражало бы сугубо подростковые надежды и мечты, сугубо подростковое отношение к действительности. Подростки давно уже разрабатывали свой собственный язык, знаковую систему, понятную только им и неведомую взрослым, язык своей моды, язык кока-нолы, чуингама, мороженого и молодежных вечеринок. Эту тягу подростков к «другой» музыке первыми заметили владельцы небольших студий грамзаписи, более мобильные в выборе и склонные к риску, чем фирмы-гиганты. А поскольку многие из небольших компаний, на которых записывались черные исполнители ритм-энд-блюза, пробавлялись еще и белым кантри-энд-вестерном (и наоборот), то эти направления стали сближаться. Новое поколение, как уже говорилось, охотно приняло сближение, и не требовалось быть гением, чтобы понять (как поняли Сэм Филлипс и его коллеги), что вот он — новый рынок, Клондайн подростковых сбережений. Именно эти карманные деньги превратили когда-то мелкие фирмы в компании с миллионными доходами. «Растление вкусов», «музыкальный ширпотреб», «потанание самым низменным инстинктам», — сетовали музыкальные критики (и в чем-то, безусловно, были правы, поскольку, помимо истинных звезд, тогдашней волной было вынесено на поверхность и немало мусора), однако те же самые фирмы-«сноробогачи», имея в виду свое будущее процветание, уже могли позволить себе растить, холить и лелеять будущих звезд. Они уже могли позволить себе вкладывать деньги не только в то, что приносило мгновенный успех, но в то, что со временем стало настоящим Искусством. Именно в этом видели они свою задачу, хотя, может быть, никогда не вещали об «Искусстве с большой буквы». (Фирмы же, трантовавшие новый рынок как возможность добежать первыми и урвать, разорялись вчистую — об этом тоже следует помнить.) И в том, что рок-н-ролл стал жизнеспособным музыкальным языком, «повинны» не только первые его звезды, но и те, кто остался «за сценой», те, кто, рискуя, умел находить таланты на обочинах дорог.

Кинки ФРИДМАН,
американский музыкант
и писатель

Настоящее и прошлое — все равно что близнецы. И когда кто-то из этих близнецов, отпихивая второго, чуть-чуть вырывается вперед, начинается история...

До того как отрастить свои знаменитые волосы, «Битлз» стриглись под Сонни Кертиса¹, а на то, чтобы назваться «Битлз», их натолкнула группа из города Лаббок, штат Техас, по имени «Крикетс» («Сверчки». — Ред.). Говорят, одной из первых — почти «домашних» — записей «Битлз» была версия песни «Вот это будет день»; она не вошла ни в одну пластинку и долгое время считалась потерянной, словно жемчужинка в сугробе. Совсем недавно эту запись продали на аукционе «Сотбис» за 40 тысяч долларов. Покупатель неизвестен. Возможно, в нее вложила деньги какая-нибудь японская страховая компания или тип с душой японской страховой компании. Настоящее и прошлое — все равно что близнецы...

Сама по себе эта запись сейчас уже мало что значит, и существование ее в этом повествовании оправдано лишь одним: она призвана продемонстрировать долгие, упрямые, шишковато-корявые корни рок-н-ролла. Она намекает о далеком времени и о месте, таком далеком. Потому что песню написал молодой техасец Бадди Холли².

Говорят, Техас — это состояние духа. Может, так оно и есть. Техасские музыкальные традиции настолько глубоки, что, чтобы очистить пыль различных наслоений, потребуется семь археологов с семью метелочками. А когда они доберутся до самого дна, семь лет счищая слой за слоем, они найдут (я-то это всегда знал!) окурочку сигары, которую изжевал король западного кантри Боб Уиллс. А рядом будет лежать блюзовая гитара легендарного Мэнса Липскома.

Влияние музыки на Техас и музыки Техаса на мир — все равно какой: черной, рок-н-ролла или кантри — такое огромное, что и представить его себе сразу трудно. Если бы только поющие ковбой Техаса знали, кто любил их песни, — они бы гордились ими еще больше. Я расскажу вам одну историю. Жила-была девочка по имени Анна

Франк³, и строчки, написанные ее авторочкой, проникли в души людей куда глубже, чем вся массивная пропаганда «третьего рейха». После войны власти Амстердама осмотрели чулан, где пряталась ее семья. В уголке, облюбованном Анной, они увидели нарисованных на стене ковбоев. Анну увели нацисты, ковбои остались жить на этой стене.

Бадди Холли рос в Панхандле, штат Техас, во времена простые. Автомобили становились все длиннее, а мечты уходили за горизонт. Как сказал один мой старый приятель, настоящие мужчины еще не высадились на Луну, но они уже открыли для себя лунный свет. И Бадди Холли был настоящим сыном своего времени. Сонни Кертис из группы «Крикетс» вспоминает, как он с Бадди Холли познакомился. Было это в 1951 году в городе Лаббоке, они полночи просидели в машине Бадди, потому что слушали по радио блюзовую программу, которую передавали из Луизианы. Этот белый мальчик, Бадди, любил черную музыку.

В 1955 году произошли два события, окончательно повлиявшие на музыку Бадди Холли. Событие номер один: в Кlover-клубе города Амарилло он встретился с тем самым Бобом Уиллом, который курил сигары и пел кантри. Событие номер два: в Лаббок приехал Элвис Пресли.

Элвис был одет в красные штаны, апельсиновый пиджак и белые носки, и Холли с Кертисом — им было тогда по семнадцать — решили, что это самый шикарный на свете наряд. «Крикетс» открывали шоу, и потому у них были некоторые привилегии — все время выступления Элвиса они оставались за кулисами, им даже удалось с ним поговорить. Элвис уже записал на «Сан рекордз» «Все в порядке, мама», и Холли уже стал его безоговорочным поклонником. Кертис вспоминает, что вокруг сцены были уложены тюки с хлопком, и полицейские сжимали в тесных объятиях рвущихся на сцену женщин. За то шоу Элвису заплатили 75 долларов, которые он должен был поделить с Биллом Блэком, своим басистом, и гитаристом Скотти Муром.

В то время Холли работал в мастерской кожевенника и сам сшил невыносимой красоты бумажник из розовой и черной кожи с розовыми буквами «Элвис». Через полтора года, когда Холли проездом был в Мемфисе, он оставил этот бумажник в офисе «Сан рекордз» для передачи Пресли. Но к тому времени Элвис бумажниками пользоваться перестал — он уже возил деньги тачками.

В воспоминаниях Сонни Кертиса оживает дух наивности и невинности, что был присущ раннему рок-н-роллу. «Мы репетировали в гараже у Холли — там была бочка из-под горючего, и мы извлекали из нее такое классное эхо!»

Писатель Ларри Маккертри вспоминает пятидесятые в Техасе как «время, застывшее в депрессии; время, насквозь продутое ветром, время, убитое

пыльными бурями». Рэю Бенсону из группы «Asleep at the Wheel» Техас пятидесятых — ему тогда было восемь лет — казался «фантастически прекрасным — летом было жарче, чем в аду, и вы бы слышали, как звенели на жаре голоса поющих ковбоев». Драматург Лэрри Кинг, автор знаменитой пьесы «Лучший маленький бордель в Техасе», вспоминает те времена как «подлые, самые реакционные, и расовая сегрегация была образом жизни». А я помню только, как девочка по имени Сюзан Кауфман учила меня модному тогда танцу джиттербаг.

Вероятно, не правы все мы. Вероятно, все мы правы. Но одно можно сказать совершенно точно: в начале того десятилетия черная музыка и белая музыка были разделены так же, как белая и черная общины. Но шло время, и радио, по которому — тоже на разных волнах — передавали эту музыку, позволяло черным слушать музыку белых, и наоборот. Радиоволны приносили совершенно новую стилистику, радиоволны дарили вдохновение, и бескорыстные пионеры этого вдохновения потихоньку скрещивали две культуры, смешивали, прививали одну другой. В захламленных лабораториях жизни рождалась новая, дикая, заразная музыка по имени Рок-н-ролл.

Хьюи Пи Мо, легендарный хьюстонский продюсер, помнит, как черные и белые вместе работали на хлопковых полях и вместе пели, работая, но потом расходились по своим поселениям — черные отдельно, белые отдельно. Он помнит, как мальчишкой часами просиживал в кустах возле болота, и москиты ели его поедом, а он не замечал москитов, потому что слушал, как черные люди поют свои блюзы. Так что он не видел причин, почему музыка должна быть разделена.

«Блюз и кантри — это одно и то же, — говорит Мо. — Только настроения разные. А все от разного жизненного опыта». Ранним блюзменам было совершенно наплевать на систему, «им было все равно, когда нападут русские, — сегодня или завтра». (Этот подход был позже принят рокерами шестидесятых, только они несколько расширили спектр: им было все равно, когда нападут марсиане, — сегодня или завтра.) «Белые работяги нас ненавидели, — вспоминает Мо, — но их детишки и детишки черных работяг сидели вместе, и вместе прыгали в проходах, и вместе свистели».

Черные тоже начали исполнять другую музыку. Ровно за неделю до того, как Бадди Холли впервые увидел Элвиса Пресли, черный исполнитель ритм-энд-блюза Джонни Эйс сыграл свою последнюю партию в «русскую рулетку» — он застрелился прямо за кулисами, перед началом своего концерта в одном из хьюстонских залов. Ходили разные слухи — то ли застрелился, то ли застрелили, но главное, пожалуй, не в том — главное, что он спел ставшую великим хитом песню «Я отдал в заклад свою любовь». Джонни

Эйс был первым черным исполнителем, который умел петь блюзы, окрашенные интонацией кантри: блюзы не плачут, а в голосе Эйса были белые слезы.

Справедливости ради скажу, что эти перекрестки существовали не только в Техасе. Если провести воображаемую линию от города Сан-Антонио, штат Техас, через Батон-Руж, штат Луизиана, до Мейкона в Джорджии, то ниже этой линии испокон веку существовали музыканты, обращавшиеся одновременно и к белой, и к черной публике. Да и ничего удивительного, потому что здесь вместе с бывшими рабами из Африки жили эмигранты из Чехии, Богемии, поляки, мексиканцы, здесь жили каджуны; здесь играли польские польки, мексиканские польки, каджунские тустепы, болеро, вальсы, конжунто и многие другие «музыки». «В те дни, — говорит Мо, — кочующему по городкам музыканту надо было уметь играть все».

Однако черная музыка и блюзы — это было главное. Если представить себе нынешнюю мировую музыку как громадный ковер, мы увидим, что черные нити создали его основу, они не дают ковра расползаться.

Некоторые из черных блюзменов были совсем неграмотными и не могли записать слова своих блюзов, а некоторые, похоже, нарочно дурачили следовавших за ними образованных «чайников» с примитивными магнитофонами. Но одно можно сказать наверняка: ни один из блюзменов и двух раз не спел один и тот же блюз одинаково. И рок-н-ролл — разве нотами записанная музыка?

И еще задолго до пятидесятых, еще задолго до того, как «Битлз» начали слушать группу «Крикетс», а Хьюи Пи Мо набрался смелости благословить музыку от «смешанного брака», происходили события самые разные.

Одно из них случилось в 1935 году. В том году встретились двенадцатилетний белый пацан и черный старик по имени Ти-тот. Ти-тот пел блюзы, и расплачивались с ним жратвой. Зато он научил белого парня играть на гитаре. Парня звали Хэнком Уильямсом, и он стал величайшим певцом кантри. Он умер 1 января 1953 года; ему было всего двадцать девять — моложе, чем Моцарт и Христос. По рождению он был не техасец, но корни его музыки — здесь. Наверное, было что-то в пыльных бурях и плывущих за раскаленным горизонт мечтах Техаса такое, что сделало музыку Уильямса бессмертной. Его последний хит стал гимном людей, потерявшихся на скоростных шоссе пятидесятых — «Я не смогу выбраться из этого мира живым».

И если смерть Уильямса пришлась на серое, туманное утро того десятилетия, то гибель Бадди Холли в авиакатастрофе, случившейся 3 февраля 1959 года, его завершила. Что стало



бы с Бадди Холли, Хэнком Уильямсом или Джонни Эйсом, поживи они дольше? Отличное поле для догадок и домыслов. Как сказал один очень умный человек, долголетие погубило куда больше народу, чем смерть.

Что-то в этой жизни меняется, что-то остается прежним, и что-то мы уже не можем — как бы ни хотелось — почувствовать или сделать так, как в первый раз. «В сороковых мы ездили в школу верхом, — вспоминает Лэрри Кинг. — В шестидесятых мы уже мчались на новеньких машинах по новеньким скоростным шоссе. Но настроение было препоганое». Объявление «На пол не плевать» содрали со стены почты городка Медина, штат Техас, в конце пятидесятых. А жестяная вывеска «Мы оставляем за собой право обслуживать не всех» по-прежнему болтается в некоторых придорожных техасских кабаках, только читают ее лишь пауки, притаившиеся за жестяной. В стену самой старой методистской церкви в

Кервилле врезали новое огромное окно в раме из алюминия, и ради этого община заложила землю, на которой стоит церковь.

Вот это я называю прогрессом.

Перевела с английского
Н. РУДНИЦКАЯ

¹ Гитарист группы «The Crickets». — Здесь и далее прим. ред.

² См. «РЭР» в № 10 за 1989 г.

³ Анна Франк — еврейская девочка, родилась в 1929 году в Германии. Ее семья эмигрировала в Голландию, скрывалась, когда и туда пришли фашисты. Семейю Франк схватили уже перед концом войны, и в 1945 году Анна погибла в концлагере. Но сохранился ее всемирно известный «Дневник».

Барбанел. — Став взрослым, обидчивый человек тянется к людям, позволяющим излить им душу, к тем, кто проявляет желание слушать бесконечный перечень обид, приговаривая: «Да, это ужасно!» Повод измениться, вести себя по-другому появляется только тогда, когда в жизни «коллекционера обид» появляется некто, имеющий для него большое значение, но не желающий идти на поводу: «Я люблю тебя, но мне не нравится твой список обид»...

Марию воспитывала вечно озлобленная мать — муж оставил ее ради другой женщины. «Из уроков, полученных дома, я усвоила: мужчин лучше ни о чем не просить, и тогда избежишь разочарований, — вспоминает Мария. — Поэтому мои взаимоотношения с Питером, человеком, которого я полюбила, складывались очень трудно. Чтобы не потерять его, я должна была не только преодолеть свои привычки, но и пересмотреть общее восприятие окружающего мира. Но это тяжело! И все же я поняла, что вечное ожидание грядущего разочарования — не панацея от него, а гарантия того, что вы вообще ничего не получите в этой жизни; я поняла, что доверие к людям оправдывает себя куда больше недоверия».

Те, кому удалось избавиться от этого комплекса, утверждают, что сначала — до того, как пересмотреть свое отношение к миру в целом, они изменили свое каждодневное поведение. «Я поклялся, что секунд тридцать подумаю, прежде чем открою рот и начну жаловаться», — говорит Льюис, руководитель отдела рекламы. Шеф предупредил его, что постоянные жалобы на «некомпетентность» сослуживцев могут стоить ему карьеры. «И я спросил себя: действительно ли моя секретарша решила меня «достать», не подготовив копии, или она, уверяя, что копировальная машина сломалась, говорила правду. Так не обижаться же на копировальную машину!»

Льюису удалось сократить свои сетования вдвое, используя простой прием: он мысленно себя одергивал. «Как только я начал меньше жаловаться, окружающие стали относиться ко мне более дружелюбно. А потом я стал лучше разбираться и в мотивах их поступков и поведения. Но на это потребовалось время».

«Коллекционирование несправедливостей» — весьма устойчивая привычка, потому что ее обладатель испытывает удовлетворение: конечно, он снова прав, потому что окружающий мир снова дурно с ним обошелся. Но такой человек платит за это «удовольствие» отказом от надежды на счастье. И перемены становятся возможны, только когда мы спрашиваем себя: а не слишком ли дорого обходятся нам обиды?

Перевела с английского
Н. ХРОПОВА



АМЕРИКАНСКИЕ ШКОЛЬНИКИ ЗАНЯТЫ НЕ ТОЛЬКО ТЕМ, что распевают песни о чистой и мирной планете Земля. Они чистят улицы и парки, пикетируют магазины, требуя, чтобы взрослые упаковывали покупки не в целлофановые пакеты, а в бумажные, изготовленные из макулатуры. Заставляют родителей сортировать мусор, прежде чем выбросить его. Пишут гневные послания владельцам фирм по производству химических удобрений. Короче, «достают» взрослых всячески — и с толком. Так, корпорация «Доу кемикл», крупнейший производитель полистирола, сдалась и не только начала тщательнее следить за своими выбросами, но и стала спонсором театрализованного детского представления «Верните к жизни».



КАРАТЭ — ОДИН ИЗ ТЕХ ВИДОВ СПОРТА, в которых психологическая подготовка играет роль не меньшую, чем физическая. И английские спортивные психологи начали осторожно вводить принятые в восточных единоборствах методы в тренировки спортсменов, работающих «в одиночку», не командой. Доктор Дэвид Хемери, бывший бегун — участник Олимпийских игр 1968 года, советует: 1) думать не о сопернике и не о победе над ним, а о достижении своей личной цели; 2) мысленно прорепетировать свое выступление; 3) во время тренировки постоянно задавать себе вопросы: «А это у меня почему так получается? А это — как?»; 4) главное: добившись определенного успеха, постараться его мысленно зафиксировать. Не кажется ли вам, что эти советы — на все случаи жизни?



ХОЧЕТСЯ РВАТЬ И МЕТАТЬ, РВАТЬ И МЕТАТЬ — ну зачем мама повыбрасывала платья, в которых так шикарно выглядела в шестидесятых и так смешно — в начале семидесятых? А ботинки с тупыми носами и квадратными каблуками? Хорошо, хоть они валяются в чулане. И если протереть мягкой тряпочкой...

А это сделать стоит, потому что сенсация нынешнего сезона — платья и туфли в стиле шестидесятых, предложенные молодым модельером Кристианом Ротом. Впрочем, «рвать и метать» можно с пользой, потому что сейчас, как и в конце шестидесятых, модны платья с аппликацией.



«ТРИ СЕСТРЫ», ИЗ КОТОРЫХ ДВЕ — СЕСТРЫ, А ОДНА — ИХ ПЛЕМЯННИЦА — новое достижение знаменитого английского актерского клана Редгрейв. Ванесса — Ольга, Линн — Маша, их племянница Джемма — Ирина впервые играют на одной сцене, а объединил их грузинский режиссер Роберт Стуруа, приглашенный в Лондон для постановки пьесы Чехова.

Семейственность — яркий штрих этого лондонского сезона. Джоан Плаурайт, вдова великого актера Лоуренса Оливье, вместе со своими дочерьми Тэмсин и Джулией-Кейт блистала в пьесе Д. Б. Пристли «Время и семья Конвей», а поставил ее сын сэра Лоуренса Ричард. И никому в Англии как-то в голову не приходит злобствовать на тему: «Вот, — мол, — деток пристроили...»



АЛЛЕЯ ДЖОНА ЛЕННОНА ВЕДЕТ К ПЛОЩАДИ ДЖОРДЖА ХАРИСОНА, а проспект Пола Маккартни круто сворачивает и превращается в проезд Ринго Старра... Эпидемия переименований — прерогатива не только нашей страны. Англичане, гордящиеся своими традициями, поступились ради «Битлз» принципами и увековечили их в родном Ливерпуле. Улица «Битлз» украшена мемориальной доской «Четырем парням, которые потрясли мир», пиво в пабе «Эбби роуд» отменное, а гордость бара «Пенни лейн» — «цыпленок карри по-рингостарровски».

КТО ЭТО ТАМ ПОЕТ? Ну вот, опять скандал в благородном семействе поп-музыкантов! Да еще какой! Оказывается, знаменитый поп-дуэт «Милли Ванилли» — фальшивка! То есть на сцене — действительно они: Роберт Пилатус и Фэбрис Морван. Танцуют и шевелят губами тоже они. Но поют-то за них певцы-профессионалы Брэд Хоувелл и Джон Дэвис! И поют здорово, потому что, кроме мировой известности, дуэт получил премию «Грэмми» и гору золотых дисков.

Начало таинственной истории положил в 1987 году известный еще со времен «Бони М» продюсер Франк Фэриан. Отпешившие свое «понарошку» Фэб и Роб покидали студию, куда поздно вечером приходили их «дублеры» (кто кого дублировал?), и запись шла по-настоящему. Так продолжалось два года, пока при выступлении перед зрителями техника не дала «сбой».

На пресс-конференции в Лос-Анджелесе журналисты «завелись» и поставили перед «Милли Ванилли» вопрос ребром: «Так умеете вы петь или нет?!» Роб и Фэб спели очень похоже. Не более того.



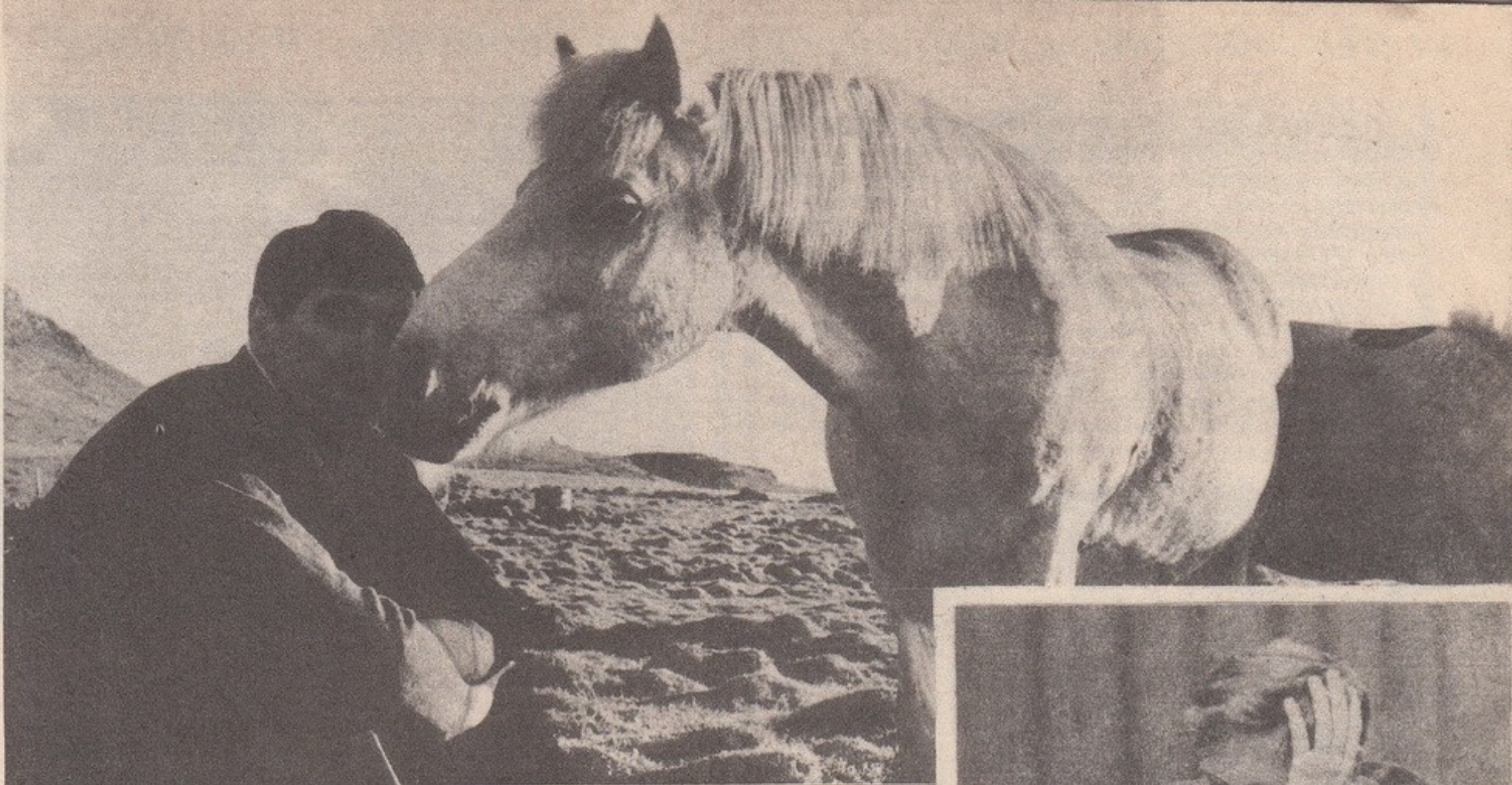
ЗАМЕТКИ ФЕНОЛОГА. Вот и наступил долгожданный ласковый май. Светит-греет солнышко, по которому за долгую зиму так соскучились жители Северного полушария... Земные же светила от медицины пребывают в тревоге: по их наблюдениям, как только солнце начинает светить по-летнему, миллионы бледнолицых жителей планеты забывают в погоне за красивым загаром всякое благоразумие. В результате — резкое увеличение легочных, кожных, глазных и прочих заболеваний!



Дело в том, что озоновый слой надежно, словно защитный плащ, прикрывавший нашу горемычную планету от вредного излучения, за последнее время заметно износился, истончился и перестал в достаточной мере фильтровать далеко не безобидные солнечные лучи.

Мода — дама легкомысленная, но и ее заставили призадуматься драматические изменения на земле и в небесах. Хорошенько поразмыслив, она объявила: загар — не моден, модно быть бледным!





ПРИЗРАК

Каждый год возникают слухи, доводя миллионы поклонников древней игры до лихорадочного состояния: Бобби Фишер, легендарный шахматный вундеркинд, экс-чемпион мира, вернулся. Его уже видели в Брюсселе (Нью-Йорне, Багио). Безусловно, он вновь будет выступать.

Но каждый раз слухи остаются слухами, страсти постепенно утихают, и никто по-настоящему уже не верит в возвращение «короля Бобби». Но где-то в глубине души у всех живет надежда вновь увидеть игру Фишера. Она-то и заставляет верить самым невероятным слухам.

Шестнадцать лет назад, в 1975 году, уже три года нося корону чемпиона мира, американец Роберт Фишер неожиданно пропал. Нет, физически, так сказать, телесно он продолжал существовать, но как шахматист, а в тот момент большинство экспертов называло его «лучшим игроком всех времен», он в одночасье, отказавшись от всех запланированных соревнований, превратился из короля шахмат в призрак. С тех пор Фишер не сыграл ни одной партии в соревнованиях.

Такие внезапные повороты уже были в его жизни. И первый произошел в шесть лет. Его родители, берлинский физик и санитарка из Швейцарии, только-только развелись. Пока мать работала, Бобби оставался в небольшой квартирке в Бруклине под присмотром своей старшей одиннадцатилетней сестры Джоан. Именно Джоан однажды подарила ему маленькие пластмассовые шахматы. За несколько недель ребенок настолько втянулся в новую игру, что все остальные вещи его уже не интересовали.

Его мать, обеспокоенная столь странным увлечением сына, записала мальчика в Бруклинский шахматный клуб. Она надеялась, что хоть там Бобби бу-

дет общаться со сверстниками. Ожидания были напрасными. Маленький Фишер очень скоро выиграл у всех местных знаменитостей и покинул клуб. Теперь он проводил время в парках Нью-Йорка, играя на свежем воздухе. Впрочем, и к парковым шахматистам он скоро потерял интерес. Любимым его занятием стала игра с самим собой, без соперника. Его прогресс был фантастическим. К 12 годам он выучил русский язык достаточно, чтобы разбирать комментарии партий великих советских мастеров, которые публиковались в специальных журналах. Его любимым чтением, его Библией стал строгий советский журнал «Шахматы». «Я всегда слышал, что русские — лучшие шахматисты. И я всегда хотел быть лучшим», — объяснял он позднее. В 1957 году, ко всеобщему изумлению, он выиграл чемпионат США. Ему было только 14 лет. Через два года он стал гроссмейстером.

Школу он забросил. «Это нужно только для недоумков. Да и учителя все — тупицы», — пояснил он причину своего решения. Весь его мир составляли шахматы. В качестве единственного развлечения он позволял себе читать комиксы, а позднее — «Плейбой». Если даже он занимался плаванием или бегом, то



Поль ВАЛЕРИ,
французский журналист

только потому, что это необходимо для поддержания хорошей спортивной формы. Он стремился стать лучшим шахматистом мира.

В шахматной среде его прозвали «малыш-робот»: он выигрывал турнир за турниром. При этом вел себя как ребенок: если в партии складывалась трудная ситуация, Бобби яростно грыз ногти, а если удавалось ошеломить соперника молниеносными комбинациями, что-то тихо напевал себе под нос. В прессе за ним прочно закрепилось слово «некультурный». Однако Фишер не был некультурным — просто он не обращал никакого внимания на то, что не относилось к миру пешек, ладей и ферзей.

Принято считать, что игра в шахматы требует определенного набора качеств: уравновешенности, терпения, усидчивости. Фишер всей своей карьерой опровергал это представление. Его кредо — необыкновенное насилие над своим мозгом и постоянная «атака» на мозг соперника. «Чтобы победить — нужно разрушить само «я» соперника», — заявлял Фишер не раз.

Раннее развитие «Моцарта шахмат», необычная манера игры, а также бесконеч-

ные капризы создали Фишеру известность в шахматных кругах. Однако настоящей шахматной «звездой» он стал лишь в июле 1972-го, во время матча за мировую шахматную корону. Этот матч остался в памяти многих как один из самых ярких эпизодов «холодной войны».

Местом проведения матча за первенство мира между 29-летним претендентом Робертом Фишером и 35-летним Борисом Спасским, носившим титул чемпиона, был избран Рейкьявик. Советский шахматист прибыл в Исландию за две недели до назначенного срока. Его сопровождала настоящая команда помощников.

«Мозговой штаб» Спасского состоял из лучших советских гроссмейстеров. Основными их задачами были анализ отложенных партий и подготовка новинок в дебютах. Известный мастер Кругиус занимался психологической подготовкой чемпиона.

Со своей стороны, Фишер, верный своим привычкам, уединился в одном из нью-йоркских отелей. В течение нескольких месяцев продолжалась война между своенравным янки и Международной шахматной федерацией. Все было предметом споров: место проведения матча, финансовые условия, освещение игр прессой и даже питание. В пылу споров Фишер обвинил международную федерацию в том, что она «разложена коммунистическими плутами». Однако в конце концов все было улажено. Правда, для этого потребовалось найти спонсора, предоставившего 250 000 долларов в качестве призового фонда, а госсекретарю США Генри Киссинджеру пришлось лично обращаться к Фишеру с просьбой «защитить честь звездно-полосатого флага». Опоздав на пять дней к сроку начала встречи, он появился в четыре часа утра в отеле «Сага», разбудил Спасского, чтобы... извиниться за задержку. Началась драма из 24 партий.

Атмосфера в зале, где проходили игры, была ледяной и накаленной одновременно. Два человека сидели за шахматной доской друг напротив друга, но не замечали соперника и даже не здоровались. Единственный объект желаний — фигурки из красного дерева. Рыцарь «свободного мира» против «аппаратчика». Хулиган против советского гения. Пресса упивалась этим противостоянием. «Ньюсуик», «Тайм», «Шпигель» посвящали свои обложки этой ужасной игре нервов с подтекстом «противоборство Востока и Запада, кто кого?». Фишер множил свои эксцентричные поступки. Уже весь мир знал, например, его знаменитый костюм фиолетового цвета. В тот период Бобби вошел в десятку самых элегантных людей планеты. Не обошлось и без скандалов — Фишер постоянно требовал то новый номер в отеле, то автомобиль, а то бассейн для себя одного. Если Бобби замечал нацеленную на него фото- или кинокамеру, он требовал убрать их, шепча при этом магическое слово «конспирация». Со своей стороны, советская делегация не уступала Фишеру

по части скандальных эпизодов, то обвиняя Фишера в том, что он гипнотизирует соперника, то настаивая на тщательной проверке воздуха в помещении, в котором проходили игры. Обнаруженные в системе освещения две мертвые мухи породили массу взаимных подозрений и домыслов. Это был настоящий психоз. Скоро, однако, выяснилось, что Спасский приспосабливается к подобной атмосфере значительно хуже Фишера. Дела у чемпиона пошли плохо. Незадолго до конца матча корреспондент ТАСС передавал в Москву:

— Фишер играет значительно уверенней. Шахматы — не только борьба умов, но и борьба психологий. И здесь Фишер доказал свое превосходство.

«Я выбираю такой момент в матче, когда чувствую, что противник надломлен, и наступаю», — не раз объяснял он сам. Аналитики, разбирая игру Спасского в Рейкьявике, отмечали странности в игре. Во многих случаях он играл прекрасно, но в заключительной стадии партии как бы бессознательно отказывался поставить соперника на колени. Что это, влияние «ужасного магнетизма» Фишера? Американец, наоборот, не раз выправлял положение в, казалось бы, уже проигранных партиях.

Фишер был настоящим шахматным убийцей. Чтобы добиться права играть с чемпионом мира, он победил многих ведущих гроссмейстеров. В 1971 году в Ванкувере Бобби обыграл шахматного патриарха Марка Тайманова с невиданным прежде счетом 6:0.

Доминируя на международной арене в послевоенные годы, советская шахматная школа выработала научный стиль игры, основанный на минимальном риске. Все тогдашние советские гроссмейстеры предпочитали конструировать на шахматной доске солидные, но часто бесцветные позиции. Фишер отказался от бетонной логики. Всегда в поисках наиболее мощного удара, он с блеском взрывал неприступные бастионы и прорывал самую плотную оборону соперников. Его сверкающий романтический стиль очаровал заскучавших бывших любителей шахмат.

Что касается некоего «магнетизма» американца, то его, безусловно, не было. Если в чем-то и проявлялась необыкновенность Фишера, то только в его одержимости шахматами. В Рейкьявике Спасский заявил: «Шахматы — это как жизнь». Фишер его холодно поправил: «Шахматы — это и есть жизнь». Ничто другое его не интересовало. В такси, в лифте, везде он продолжал анализировать комбинации на маленькой шахматной доске, с которой никогда не расставался. Погрузившись в разбор острых вариантов ферзевого гамбита или испанской партии, он мог проглотить два-три завтрака кряду и не заметить этого. В отелях он всегда старался выбрать комнаты без окон, чтобы никто не смог за ним подсмотреть. Пренебрегая противоположным полом, он множил женоненавистнические декларации. «Я презираю женщин. Они не умеют играть в шахматы». Лишь однажды, на

турнире в Буэнос-Айресе, в его номере видели девушку. Однако выступил на этом турнире Бобби как никогда плохо, заняв непривычное для себя место во второй десятке.

Кроме шахматной мании, Бобби на протяжении всей карьеры отличался и другими странностями. Например, он был уверен, что всю жизнь его преследует коммунистический заговор, участники которого хотят поставить побольше препятствий на его пути. «В шахматах, как и повсюду, коммунистические проходимцы стараются навредить свободному миру. Они опасаются гения Фишера и готовы на все, чтобы его уничтожить», — писал сам Фишер. Выиграв чемпионат мира, он внезапно испугался лететь домой на самолете. «Эти, знаете ли, русские, они все могут...» Другие постоянные фобии: страх перед теле-, фото- и кинокамерами, перед друзьями, которые «рано или поздно должны предать».

Дню 3 апреля 1975 года, когда по решению Международной шахматной федерации Фишер лишился титула чемпиона мира, предшествовали несколько месяцев безуспешных переговоров между чемпионом и федерацией. Экстравагантные, как всегда, требования Фишера о порядке проведения чемпионата на этот раз не были приняты. Анатолий Карпов, претендент, был провозглашен новым чемпионом мира без проведения матча. Шахматный мир погрузился в траур, понимая, впрочем, что такой поворот событий вполне в духе Фишера. Все ждали возвращения «Моцарта шахмат». Напрасно ждали, Бобби больше не появился на публике. В Пасадене, штат Калифорния, он укрылся от мира в фундаменталистской секте «Всемирная церковь Господня», в которую Фишер вступил в 1960 году, вступил из соображений сугубо практических. «Религия помогает мне лучше играть в шахматы — и это все, что меня в ней интересует». Все сбережения Бобби оказались в кассе секты. Церковно-мистическая история подошла к концу в 1980 году, когда глава секты попал за решетку за сексуальные преступления.

Сегодня Фишер по-прежнему живет на калифорнийском берегу, проводя, по слухам, все свое время в разборах партий и чтении шахматных журналов. Его иногда видят на берегу пляжа, играющего «инкогнито» с любителями. Он сохраняет контакты с некоторыми гроссмейстерами, в частности, со Спасским. Однако Борис Спасский отказывается давать какие-либо комментарии по этому поводу. «Фишер просил меня о величайшей конфиденциальности».

Впрочем, никаких секретов в жизни «короля Бобби» уже не осталось. Фишер как бы находится по другую сторону зеркала. Он пленник образа, созданного им самим. Если он вернется — это будет смертельный удар для легенды.

Перевел с французского
Д. ТРУНОВ



Рэй БРЭДБЕРИ,
американский писатель

НОЧНОЙ ЗВОНОК

Фантастический рассказ

Он так и не понял, что оживило в его памяти старые стихи. Но стихи возникли и зазвучали:

Представь, потом представь, и вновь представь, что провода, протянутые над землей, опутавшие мир из края в край, в себя вобрали мириады слов, произнесенных тихими ночами, и сохранили смысл всех разговоров.

Как там дальше? Да...

Настал момент — и, загудев во тьме, из ничего опять слова возникли. Так складывает первые созвучья ребенок, постигающий язык.

Он снова запнулся. Как же это кончалось? Погоди...

Тогда бездушный проволочный зверь, копясь в памяти, до верха полной звуков, и повторяя логику людей, запричитал, заплакал, зашептал.

И вот однажды некто, человек, разбуженный ожившим аппаратом, снимает трубку и внезапно слышит небесный глас расплывчатого духа. И зверь, чудовище, смакуя звуки,

собрал в пучок безумье расстояний, выдавливая: «Ал», и следом: «О-о», и наконец — уверенно: «Алло!»

Он перевел дыхание и закончил:

Такому собеседнику в ночи что ты ответишь, человек разумный?

Он сидел молча.

Он сидел, восьмидесятилетний старик. Сидел один в пустой комнате пустого дома на пустой улице в пустом городе на пустой планете Марс.

Сидел, как сидел уже шестьдесят лет: ожидая.

На столе перед ним стоял телефон, не звонивший очень, очень давно.

И вот аппарат затрепетал, словно собираясь с силами. Может, это тайное трепетание и послужило толчком к стихам?..

Он весь подался вперед, уставившись на аппарат. Телефон... ЗАЗВОНИЛ!

Он вскочил на ноги и отпрянул назад. Стул грохнулся.

— Вчера вечером,— сказал Бартон, возраст двадцать один год,— я сидел один в кинотеатре в пустом городе. Я поставил себе старые фильмы с Лаурелом и Гарди. Боже, как я хохотал! И тут возникла идея. Я тысячу раз наложил свой голос на одну и ту же пленку. Потом включил все это в городе. Звучит, как тысяча человек. Такой успокаивающий шум, гул толпы. Я устроил хлопанье дверей, дети поют, играют музыкальные автоматы,— и все управляется часовым механизмом. Если не глядеть в окно, а только слушать, все в порядке. Но когда я выглядываю на улицу, впечатление разрушается. Кажется, мне становится одиноко.

— Это были первые признаки,— сказал старик.

— Что?

— Вот он, первый раз, когда ты признал себя одиноким.

— Еще я экспериментировал с запахами. Иду по пустой улице, а из домов пахнет беконом, яичницей, ветчиной, филе. Все — при помощи техники.

— Безумие.

— Самозащита!

— Я устал,— старик резким движением опустил трубку. Это уж слишком. Прошое стало затягивать, поглощать его.

Бормоча проклятия, он медленно сошел вниз по ступенькам и оказался на улице.

В городе было темно. Не горели больше красные неоновые надписи, не звучала музыка, не доносились запахи еды. Он давным-давно расстался с фантазиями о механической лжи. Слушай! Что это, чьи-то шаги? Нюхай! Что это, земляничный пирог? И он положил этому конец.

В неосвещенном коттедже мягко зазвонил телефон.

Он шел, не обращая внимания. Звон прекратился.

Телефон зазвонил впереди, в следующем коттедже, будто кто-то видел, как он идет. Он побежал. Звон остался позади. Но его тут же подхватил телефон вот в этом доме, за ним — вон в том, и опять здесь, и там!

— Ладно! — завопил он, выбившись из сил. — Иду!

— Хелло, Бартон!

— Что тебе надо?

— Мне одиноко. Я живу только тогда, когда говорю. Так что я вынужден говорить. Закрывать мне рот ты не сможешь.

— Оставь меня в покое! — в ужасе произнес старик. — Сердце, у меня сердце болит...

— Говорит Бартон в возрасте двадцати четырех лет. Еще пара годков миновала. Я все еще жду. Чуть более одинок. Прочитал «Войну и мир», выпил все шерри, посетил рестораны с самим собой в качестве официанта, повара и хозяина. Сегодня вечером я — кинозвезда в Тиволи: Эмил Бартон в фильме «Бесплодные усилия любви». Во всех ролях, в париках и без оных!

— Перестань мне звонить. Перестань, или я убью тебя!

— Убить меня тебе не по силам. Попробуй сначала найти.

— Найду.

— Ты ведь забыл, куда меня запрятал. А я везде — в телефонных будках, домах, проводах, башнях, подземках. Ну, давай, вперед! Как ты это назовешь? Телефоноубийство? Или самоубийство? Завидуешь, а? Завидуешь мне — двадцатичетырехлетнему, полному сил и молодости, с ясным взором. Ладно, старина, война так война. Между нами. Между мной и мной! Целые полки, а солдаты в них — мы с тобой. Ты в разных возрастах — против себя же, живого. Ну, давай, вперед, объявляй войну!

Он швырнул аппарат в окно.

Автомобиль мчал по глубоким долинам. В ногах Бартона на полу машины лежали пистолеты, ружья, взрывчатка. Рев мотора, казалось, терзал его тонкие, хрупкие кости.

Я найду их, думал он, и уничтожу всех до единого. Господи, ну как он может быть таким жестоким?

Он остановил машину. Освещенный сиянием поздних лун, перед ним раскинулся незнакомый город.

Он сжимал ружье холодными пальцами. Он вглядывался в столбы, башни, будки. Где-то в городе скрывался его голос. Но где? В той башне? Или в той, стоящей поодаль? Слишком много лет прошло...

Он поднял ружье.

Башенка упала после первого же выстрела.

Машина двинулась дальше по безмолвной улице.

Зазвонил телефон.

Он взглянул на пустую аптеку.

— Алло, Бартон? Хочу предупредить тебя. Не пытайся разрушить все башенки и взорвать все на своем пути. Лучше перережь себе горло. Подумай над моим предложением.

Щелк!

Он медленно вышел из будки и вслушался в гул телефонных башен, башен, которые все еще жили, все еще были не тронуты им. Он посмотрел на них, и тут он все понял.

Он действительно не мог разрушить башенки. А что, если с Земли придет ракета? Мысль, конечно, невероятная, но, допустим, она прилетит сегодня ночью, или завтра, или на будущей неделе? И опустится на другой стороне планеты, и люди попытаются дозвониться до него, до Бартона,— что тогда? Ведь телефонная сеть будет мертва.

Бартон уронил ружье.

«Не прилетит ракета,— тихо возразил он сам себе.— Я стар. И слишком много времени прошло».

Ну а вдруг прилетит? И ты этого никогда не узнаешь, думал он. Нет, линия должна оставаться свободной и неповрежденной.

И снова — звонок!

Он обернулся без всякого интереса. Нетвердой походкой вернулся в аптеку и нашарил рукой трубку.

— Алло? — незнакомый голос.

— Прошу,— произнес старик,— не надо беспокоить меня.

— Кто это? Кто говорит? Кто это? Где вы находитесь? — удивленно выкрикивал голос.

— Одну минуту.— Старик заколебался.— Это Эмил Бартон. С кем я говорю?

— Здесь капитан Рокуэлл, ракета «Аполлон-48». Только что прибыла с Земли. Вы меня слышите, мистер Бартон?

— Нет, нет, это невозможно!

— Где вы находитесь?

— Ложь... — старик прислонился спиной к стенке телефонной будки. Глаза его застыли, он ничего не видел.— Это ты, Бартон, ты смеешься надо мной и снова лжешь мне!

— Здесь капитан Рокуэлл. Мы только что сели. В Нью-Чикаго. Где вы находитесь?

— В Грин-Вилла,— произнес он задыхаясь,— в шестистах милях от вас.

— Слушайте, Бартон, вы можете приехать сюда? У нас тут не все в порядке с ракетой, требуется ремонт. Вы можете приехать, помочь нам?

— Да, да!

— Мы в поле за городом. Вы к завтрашнему дню доберетесь?

— Да, но...

— Что?

Старик погладил ладонью телефон.

— Как там Земля? Как Нью-Йорк? Война закончилась? Кто сейчас президент? Что там вообще делается?

— Приезжайте, у нас еще будет масса времени поболтать.

— Там все в порядке?

— Да.

— Слава Богу.— Старик повесил трубку и выбежал.

Они там, после стольких лет,— это невероятно! — люди, подобные ему, и они увезут его к Земле, к ее морям, небесам и горам!

Он завел мотор. Он будет гнать машину всю ночь. Стоит рискнуть, чтобы увидеть людей, пожать им руки, снова услышать их голоса.

Этот голос. Капитан Рокуэлл. Нет, это не голос Бартона сорокалетней давности. Такой записи он никогда не делал. Или сделал? Во время очередного приступа депрессии, с цинизмом, сопутствующим состоянию опьянения,— разве тогда, однажды, не сделал он эту «фальшивую» запись «фаль-

УЛИЧНЫЙ БОЕЦ

шивого» прибытия на Марс ракеты с синтетическим капитаном и воображаемой командой на борту? В бешенстве он дернул головой. Нет. Мнительный болван! Нашел время для сомнений. Он будет мчаться вровень с лунами Марса, не останавливаясь, всю ночь!

И взойшло солнце. Он устал, сердце при каждом ударе словно проваливалось, пальцы едва держали руль. Но его подбадривала мысль об одном — последнем — телефонном звонке. Алло, Бартон молодой, говорит старый Бартон. Сегодня я улетаю на Землю. Я спасен! Слабая улыбка озарила его лицо.

Он въехал в тенистые пределы Нью-Чикаго на закате солнца. Выйдя из машины, он стоял, напряженно вглядываясь в площадку для посадки ракет, и тер кулаками покрасневшие глаза.

Поле было пусто. Никто не спешил ему навстречу. Не жал ему руку, не кричал, не смеялся.

Он почувствовал, как взбунтовалось его сердце. Он знал: сейчас перед глазами встанет чернота и появится ощущение, будто проваливаешься в разверстые небеса. Он заковылял к офису.

Там, внутри, аккуратным рядком притаились шесть телефонных аппаратов.

Он поднял тяжелую трубку.

Голос сказал:

— А я все гадал, доберешься ты живым или нет.

Старик молчал.

Голос продолжал:

— Капитан Рокуэлл докладывает. Будут приказания, сэр?

— Ты! — простонал старик.

— Как сердечко, старина? Так или иначе, но я должен был уничтожить тебя. Чтобы самому остаться в живых. Если записи вообще можно назвать живыми.

— Я выйду сейчас отсюда... — ответил старик. — Я плевать на тебя хотел. И все тут вокруг взорву, пока не убью тебя.

— Сил не хватит. Думаешь, почему я заставил тебя проделать такой длинный путь да на такой скорости? Это была твоя последняя прогулка.

Старик почувствовал, что сердце застучало с перебойми. Ему никогда не добраться до других городов. Война проиграна. Он опустил на стул и застонал. Он поглядел на пять других аппаратов. Они зазвонили все вместе, как по команде. Целое гнездо омерзительных визжащих птенцов. Автоматические приемники включились с резким хлопком.

Офис наполнился голосами.

— Бартон! Бартон! Бартон!

Он сжимал в руках телефон, он душил его, а трубка хохотала над ним. Он ударил аппарат. Потом еще раз — ногой. Он скрутил в пальцах провод, словно серпантин, и разорвал его. Аппарат упал.

Он разбил еще три телефона. И тут вдруг наступила тишина.

В этот момент его тело словно осознало нечто такое, что долго скрывало само от себя. Это нечто в мгновение ока навалилось на его кости. Плоть его век опала, превратившись в лепестки цветов. Рот пересох. Мочки ушей стали таять, как воск. Он схватился обеими руками за грудь и рухнул лицом вниз. Сердце не билось.

Прошло время. Зазвонили два уцелевших телефона.

Где-то щелкнуло реле. Оба голоса замкнуло друг на друга.

— Алло, Бартон?

— Да, Бартон?

— Мне двадцать четыре.

— А мне двадцать шесть. Мы оба молоды. Что стряслось?

— Понятия не имею. Слушай!

В комнате стояла тишина. Старик не шевелился. В разбитое окно дул ветер. Воздух был холоден.

— Поздравь меня, Бартон. Сегодня мне двадцать шесть!

— Поздравляю!

И оба голоса затянули песню. Какую поют на днях рождения. Песня вылетела в окно и тихо-тихо зазвучала на улицах мертвого города.

Перевел с английского С. НИКОЛАЕВ

«Я просто поражен всем, что случилось с «Грязными танцами». Мне рассказывали, что некоторые девчонки смотрели фильм по сто и больше раз. «Грязные танцы» — это, конечно, прелестная маленькая история, но чтобы из-за нее сходить с ума?»

Пэтрик Суэйз очень не-всерьез относится к фильму — может, потому, что играет в нем ту роль, которую в жизни ему играть давно не хочется — роль танцора. Напомним: его герой — уличный драчун, которого умный преподаватель увлекает танцами, становится наемным танцором в семейном доме отдыха. Он танцует, как положено, развлекает стареющих дамочек, тоже как положено, пока не приезжает сюда семья с двумя дочерьми. Одну из них уговаривают заменить на местном конкурсе заболевшую партнершу героя, и вспыхивает чистая и обреченная любовь. Потому что кто он — и кто она? Дочь врача, которой предстоит и хороший колледж, и дальние горизонты, а ему по окончании сезона возвращаться в свой городок, к дракам от безделья, к случайным заработкам, к будущему, которое и не будущее совсем. Не такой уж затейливый сюжет, но настолько хороши в нем Пэтрик Суэйз и актриса Дженнифер Грей, что фильм стал бестселлером. (Кстати, а песня из него «Она словно ветер», которую написал сам Суэйз, вошла в Топ 10 американского хит-парада.)

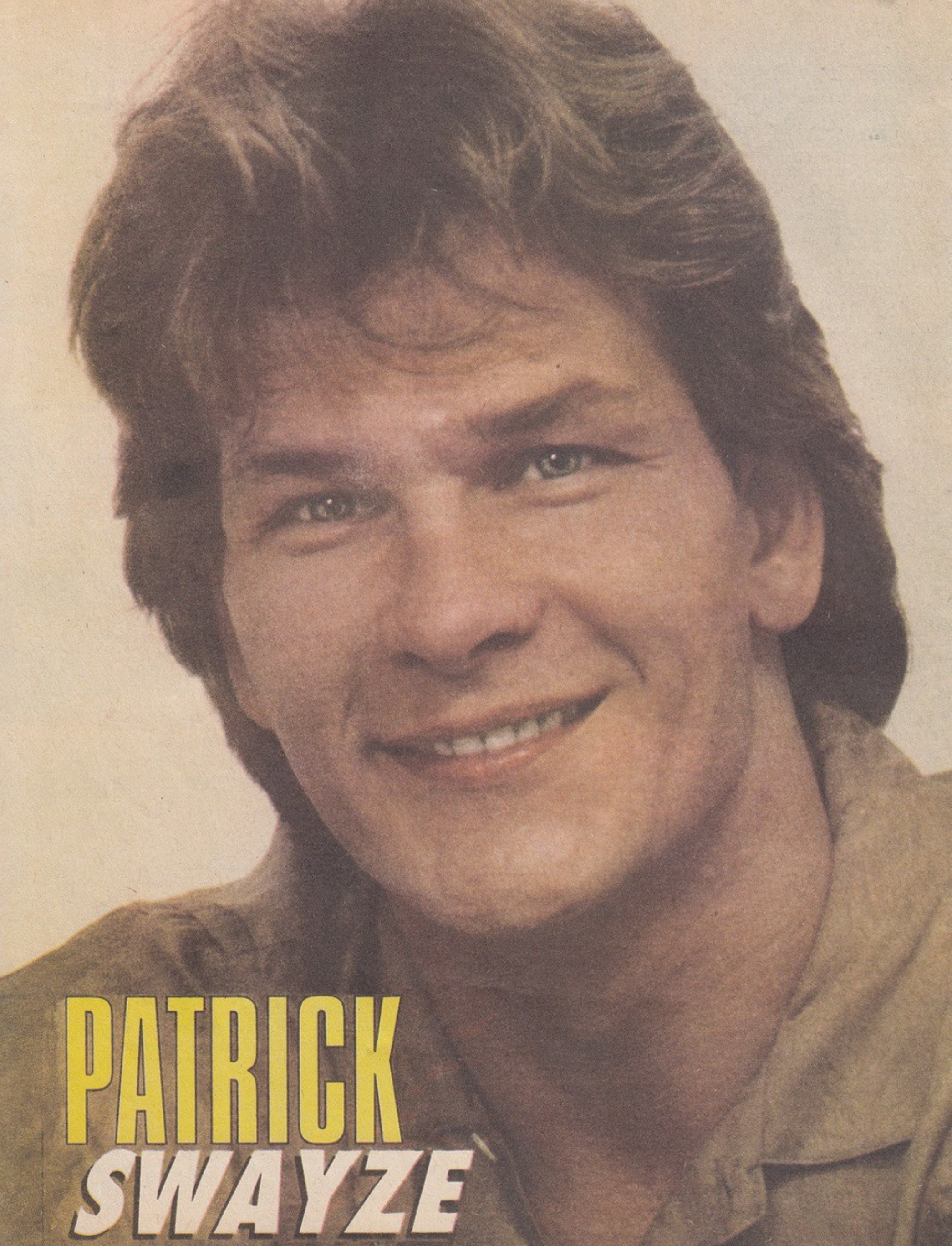
В жизни у Суэйза все было как раз наоборот: он с детства занимался балетом (мать — преподавательница и балетмейстер и сейчас ставит танцы в Голливуде). «И мне приходилось много драться, потому что в городе Хьюстоне, штат Техас, как-то не очень любят балетных парней. Поэтому я занимался боксом и играл в футбол. Честное слово, у меня ни одной переломанной кости нет. Вы бы знали, как болит все в непогоду (это в тридцать восемь лет!)».

Он прекрасно начал балетную карьеру — танцевал в Нью-Йоркской труппе «Фелд бэллей». В танцклассе же познакомился со своей будущей женой Лизой Ниими — она выступала в знаменитом «Джоффри бэллей», с которой живет вот уже пятнадцать лет. Но — тяжелая травма колена («Мне угрожала даже ампутация»), и сцену пришлось оставить. Именно поэтому он очень не любит режиссеров, предлагающих ему «танцевальные» фильмы: «Я снялся в «Грязных танцах» только потому, что там не это было главным». Пэтрик Суэйз предпочитает роли самые разные — от комедийных (как в самом последнем фильме «Привидение», о нем «Ровесник» рассказывал в № 3 за этот год), до героических, как в «Стальном рассвете» — эдакой антиутопии об экологической катастрофе, все же случившейся на Земле: в этом фильме вместе с ним снималась и Лиза Ниими. В перерывах между съемками Суэйз живет на ранчо, где разводит снаковых лошадей.

«Мы вынуждены быть затворниками, этим мы платим за славу. Но затворничество для актера — все равно что смерть».

Правда, мне удалось недавно окунуться в жизнь, — заявляет Суэйз в последнем интервью журналу «Роллинг стоун». — Я пошел в джазовый клуб, и там разгорелась такая восхитительная драка! Единственное, что обидно: приходится беречь лицо!»

П. ВАГИНА



**PATRICK
SWAYZE**

SYRANO DE BERGERAC

Франция. 1990 г. 2 ч. 15 мин. Реж. Жан-Поль Раппно. В ролях: Жерар Депардьё (Сирано), Анна Броше (Роксанна), Винсен Перес (Кристиан), Жан Вебер, Ролан Бертан и др.

Похоже, легендарный гасконский поэт и мыслитель Сирано де Бержеран, живший в XVII веке и ставший героем пьесы Э. Ростана, превратился в последнее время и в самого популярного киногероя. Несколько лет назад в Голливуде был снят фильм «Роксанна» со Стивом Мартином в роли Сирано; как известно, роль Сирано — последняя работа на театральных подмостках знаменитого киноактера Жана-Поля Бельмондо, и вот теперь — французская киноверсия с Жераром Депардьё.

Этот фильм — героический, забавный, «костюмный» и в то же время очень современный — получил самую высокую оценку как публики, так и кинокритиков. Редкое в наше время единодушие...



СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК

TEENAGE MUTANT NINJA TURTLES

США. 1990 г. 1 ч. 33 мин. Реж. Стив Бэррон. В ролях: Джудит Хоуг, Элиас Коутис.

Четыре черепашки попадают в нью-йоркскую канализацию и там, под влиянием радиоактивных отходов, начинают мутировать и превращаются в черепах в рост человека. Мало того, начинают бойко говорить на человеческом (в данном случае — английском) языке. Мало того, живущая в той же канализации крыса-мутант обучает их искусству восточных единоборств. Мало того, черепахи — теперь их зовут Леонардо, Донателло, Рафаэль и Микельанджело — не просто подрастают, а по поведению, характерам, взглядам на жизнь становятся типичными подростками. Ну и начинаются типичные подростковые приключения, так что теперь черепахи-ниндзя — нумеры американских детишек.



ЧЕРЕПАХИ-НИНДЗЯ



ИЗО ВСЕХ СИЛ

OVER THE TOP

США. 1986 г. 1 ч. 34 мин. Реж. Менахем Голан. В ролях: Сильвестр Сталлоне, Роберт Лоджиа, Сюзан Блейкли, Рик Замволт и др.

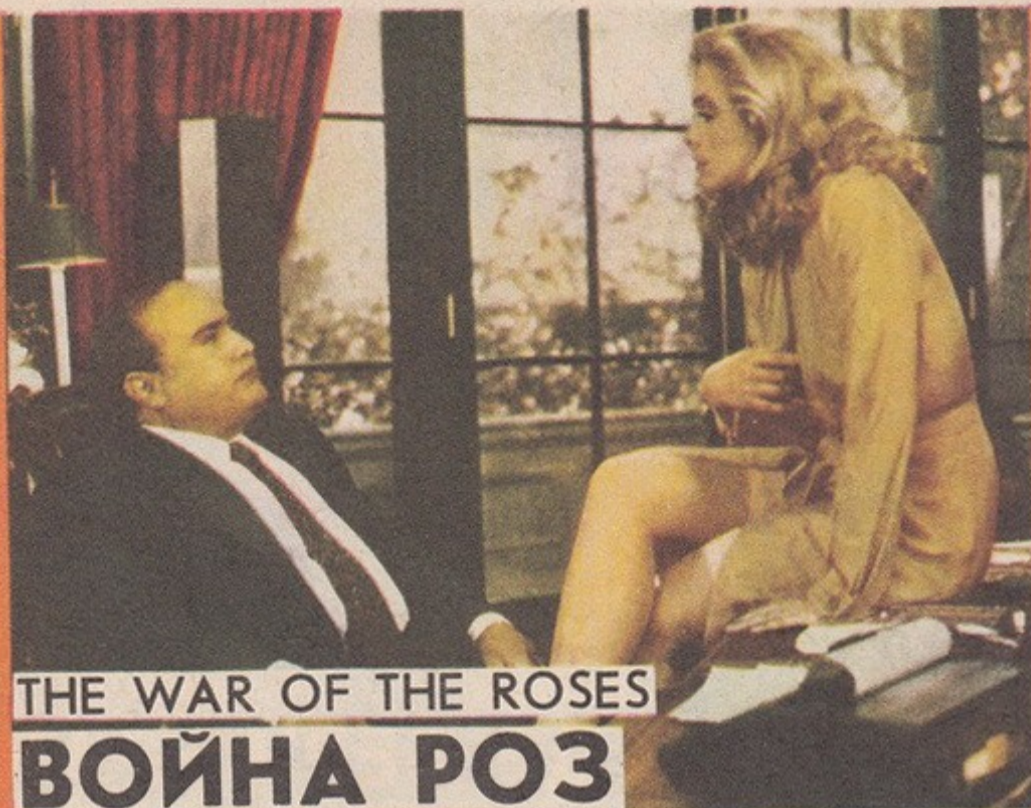
В этом фильме «Великолепный Слай», конечно, демонстрирует свою мускулатуру, на этот раз — в армрестлинге. Но, как всегда, ради благородной цели. Вообще-то отношение к Сталлоне как к всего лишь роскошному статисту основано на мнении тех, кто видел только сериалы «Рэмбо» и «Роки» — во многих фильмах он хорош и как актер, и данный фильм — не исключение.

Водитель грузовика поставил своей целью доказать своему сынишке, что он — человек, достойный уважения (как ни сопротивляется этому бывший тесть, господин из совсем иного круга общества). Мальчишка, учащийся престижной военной школы, тоже сначала сопротивляется, но все кончается очень даже хорошо.

США. 1989 г. 1 ч. 57 мин. Реж. Дэнни Де Вито, сцен. Майкл Лисон, комп. Д. Ньюмен. В ролях: Майкл Дуглас (Оливер Роз), Кэтлин Тернер (Барбара Роз), Дэнни Де Вито (Д'Амато), Шон Остин, П. Донат и др.

Никто из антеров, занятых в этой комедии черного юмора, по их признанию, не предполагал, что прекрасный комик Дэнни Де Вито окажется столь безжалостным режиссером. Сам же Де Вито сознался, что всю жизнь лелеял мечту сделать такой фильм, во время съемок которого он привяжет антеров к люстре в метрах пятнадцати над полом, а потом объявит перерыв. И ему это удалось. Майкл Дуглас, уж на что третий накач, в конце съемок прозвал Де Вито «Отто» (Скорцени).

«Война Роз» — тот редкий американский фильм, в котором ничего нельзя предугадать. Разворачивающаяся как семейная драма в стиле «Тома и Джерри», война в семье Роз перерастает в безудержную битву — Де Вито в нарушение всех традиций американского кино отпустил тормоза морализаторства, хэппи-эндизма и т.п., и получился «Том и Джерри» в стиле «Цельнометаллического жилета».



THE WAR OF THE ROSES ВОЙНА РОЗ



Италия-Франция. 1989 г. 1 ч. 40 мин. Реж. Франческо Роззи, сцен. Гор Видал и Ф. Роззи. Комп. Э. Морриконе. В ролях: Джеймс Белуши (Бонавиа), Мими Роджерс (Кэрри), Филипп Нуаре, Витторио Гасман и др.

Забить Палермо невозможно. Невозможно отрезать себя от своего прошлого, от своей культуры. Вот к какому выводу должен, казалось, прийти герой фильма Бонавиа, сын итальянских эмигрантов, выставивший свою кандидатуру на пост мэра Нью-Йорка. В предвыборной речи он обещает легализовать в городе продажу наркотиков. И объявляет войну итальянской мафии. Тем, кто помнит, с каким мастерством Роззи снял свои предыдущие фильмы («Хроника объявленной смерти»; «Сиятельные трупы» и др.), сказанного достаточно, чтобы представить, насколько хорош его последний фильм.

ЗАБЫТЬ ПАЛЕРМО

DIMENTICARE PALERMO



NOUVELLE VAGUE НОВАЯ ВОЛНА

Швейцария-Франция. 1989 г. 1 ч. 29 мин. Сцен. и реж. Жан-Люк Годар. В ролях: Ален Делон (он), Д. Джиордано (она), Р. Амстютц, Л. Кот, Н. Оден и др.

Новая «Новая волна» Годара, одного из изобретателей старой «Новой волны», в полной мере понятна будет лишь тем, кто знаком со всем сорокалетним творчеством этого режиссера, потому что фильм пронизан прямыми и скрытыми цитатами из его работ. Однако «Новая волна» не воспоминание о прошлом, а скорее путешествие из прошлого в будущее, и потому зритель имеет шанс вскопнуть в знаменитого Годара «на ходу».

Сюжет прост: некая женщина не мешает когда-то любимому ею мужчине утопиться. Утопленник перевоплощается в себя, но на этот раз настолько же решительного и волевого, насколько раньше был рохлей и хлюпиком. И все это происходит в сферах, которые принято называть «высшим светом». Новый старый герой мстит за себя, не мешая когда-то любимой женщине утопиться. Сцена отмщения, впрочем, не повторяет первую сцену. Герой в последний момент протягивает женщине руку. Придя в себя, женщина узнает в нем... прежнего слабовольного человека. И так далее.